Полночь в Эвервуде

Автор:
М. Казнир

Полночь в Эвервуде

М. А. Казнир

Лучшие мировые ретеллинги

Англия, 1906 год. Юная Мариетта мечтает стать балериной, но её вольные дни сочтены: она должна выйти замуж и занять своё место в обществе.

Всё меняется, когда в дом по соседству въезжает таинственный и очаровательный доктор Дроссельмейер. В канун Рождества девушка обнаруживает: их новый сосед владеет магией, и эта магия переносит Мариетту в Эвервуд – волшебную страну, где среди заснеженных елей прячется сахарный дворец, полный тайн. Но Мариетта должна вернуться домой прежде, чем чарующая хватка Эвервуда поймает её в ловушку навеки.

Во мраке ночи вас ждёт волшебство, и вы не забудете то, что увидели…

М. А. Казнир

Полночь в Эвервуде

Maria Kuzniar

MIDNIGHT IN EVERWOOD

Copyright © M.A. Kuzniar 2021

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

Cover design: Charlotte Phillips

Перевод с английского языка Н. Ибрагимовой

© Ибрагимова Н.Х., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Акт 1

Сцена первая

Наутро Мари выглядела очень бледной и едва могла вымолвить хоть слово. Сто раз она собиралась рассказать матери или Фрицу о том, что случилось, но думала: «Никто мне не поверит, надо мной будут смеяться».

Э. Т. Гофман. «Щелкунчик»

Глава 1

1906 год

Мать Мариетты Стелл всегда говорила, что дождливый день ничего хорошего не сулит. Тем не менее именно в дождливый день появилось волшебство, а стоит волшебству войти в твою жизнь, и ты навсегда останешься в его сверкающих тисках.

Таинственный новый сосед – которого, как Мариетта позже узнала, звали доктор Дроссельмейер – возвестил появление магии и чудес в ее жизни. Хотя он выглядел совершенно обычным человеком, от него так и веяло волшебством. Оно звучало в его голосе, просачивалось сквозь кожу и лилось из глаз.

Мариетта делала свои плие, приседая и выпрямляясь у балетного станка, когда, случайно взглянув в окно, стала свидетельницей его появления. Черный цилиндр, то появляясь, то исчезая из виду, двигался по мощенной булыжником улице внизу. Человек в плаще нес один-единственный чемодан, время от времени останавливался и смотрел на длинный особняк, который Мариетта называла своим домом. Мариетте показалось, что он смотрит прямо на нее, и она отступила на шаг от окна, чтобы незаметно рассмотреть его получше: его лицо было гладко выбрито, благодаря светлой коже он выглядел моложе, чем можно было ожидать при виде волны седых волос, ниспадающих из-под шляпы. Морщинки на коже в уголках глаз говорили о том, что этому джентльмену, вероятно, лет тридцать, а пристальный взгляд его ледяных голубых глаз завораживал.

Потоки дождя, заливающего окно Мариетты, его почему-то не задевали, и после секундного колебания он двинулся дальше. Приподнявшись на цыпочки, Мариетта смотрела как зачарованная и увидела, как он вошел в не менее роскошный, но пустующий особняк напротив особняка семьи Стелл.

– Кажется, у нас появился новый сосед, – объявил за обедом Фредерик.

– Неужели? – спросила мать. Она провела рукой по уложенным в прическу волосам медового оттенка, словно новый сосед вот-вот появится на пороге.

Синие глаза Иды Стелл были точно такими же, как у Мариетты, но сочетались с изящным носиком, острым подбородком и более светлыми волосами. На этом сходство заканчивалось, так как твердый подбородок, орлиный нос и волосы цвета воронова крыла Фредерик и Мариетта унаследовали от отца.

– Бывший врач, – продолжал Фредерик, – который стал изобретателем, как я слышал. Семьи у него никакой нет. Должно быть, он унаследовал значительное состояние, если приобрел весь особняк для себя одного, хотя его имя мне не знакомо. Оно довольно необычное: Дроссельмейер.

– Несомненно, он немец по происхождению, – сказал отец, встряхивая накрахмаленную салфетку и расправляя ее на коленях. – Как интересно, у нас уже давно не появлялось новых знакомых на этой улице. Пригласим его к нам на обед как-нибудь вечером, чтобы самим на него посмотреть. Изобретатель, говоришь? В какой области лежат его таланты? Телефоны? Электричество? Среди нас появился еще один Маркони?

Фредерик вежливо кашлянул:

– В области игр для детей, кажется. Игрушки и прочее.

Теодор поставил на стол свой бокал шерри более резко, чем допускали правила приличия. Несколько кроваво-красных капель упало на кремовую скатерть. Он неодобрительно хмыкнул, кончики его ушей порозовели.

Мариетта переглянулась с Фредериком. Теодор Стелл не принадлежал к людям, считающим творческие занятия достойными уважения и увлекательными. Мариетта сжала в пальцах суповую ложку, этот знакомый спор все сильнее испытывал ее терпение каждый раз, когда возникал.

– Я отправлю приглашение, – сказала Ида, окинув взглядом столовую, она была рада любому предлогу пригласить гостя в их красивый дом. Она обвела глазами полосатые изумрудно-кремовые обои, большой стол и стулья красного дерева, натертые до блеска полы и большие букеты тепличных роз, стоящие в хрустальных вазах и наполняющие комнату слабым запахом увядания. – Мне еще надо будет послушать, что говорят о нем мои знакомые; я позабочусь, чтобы мы стали первыми, к кому он придет на обед. – Она нахмурилась, глядя на начинающий увядать лепесток.

Теодор неодобрительно фыркнул:

– Ты уверена, что это разумно? Может быть, сначала о нем должны сообщить нечто хорошее.

– Да, у меня тоже вызывает сомнение его выбор профессии. Тем не менее нам это не должно помешать, – возразила Ида. – Он вложил деньги в особняк в превосходном районе, а это позволяет предположить, что он из хорошей семьи, – она быстро взглянула на Мариетту, потом снова перевела взгляд на мужа, – или у него большое наследство. Это надо будет разузнать.

Мариетта опустила глаза на сервировку стола, ей стало жарко в вечернем платье от Пакен?[1 - Жанна Пакен – французский модельер конца XIX – начала XX века.] цвета бледного барвинка. Руки в пышных рукавах, отделанных тончайшим черным кружевом, которое так понравилось ей во время последнего визита на Рю-де-ла-Пэ, теперь невыносимо зачесались от намеков матери на замужество. Тогда Ида увлеченно тратила огромные деньги в дизайнерском Доме Уорта, а Мариетта незаметно улизнула в соседний бутик. Она полюбовалась искусно вышитыми на шелковом платье розами, потом купила его и пошла прогуляться, пока мать продолжала покупки. Эти полдня, свободные от общества матери, сделали ее счастливой, как и цветы, плывущие по улицам Парижа в ту весну, и внезапно ей остро захотелось снова очутиться в том безмятежном дне.

Ее сладкие воспоминания прервал вид пятнышка краски, такого неуместного среди фарфоровых тарелок и серебряных приборов. На запястье Фредерика виднелось пятно гуаши, вспышка яркой охры. Она метнула на него взгляд, и он дернул вниз рукав черного пиджака, чтобы скрыть предательское пятнышко.

– Скажи мне, Фредерик, чем ты в последнее время занимался? – Теодор жестом приказал долить бренди в свой бокал. Лакей повиновался, и он внимательно посмотрел на Фредерика поверх бокала с арманьяком.

– Боюсь, тем же, чем всегда, отец. Учеба оставляет мне очень мало времени на что-либо иное.

Ложь Фредерика льется так же гладко, как бренди, подумала Мариетта, делая глоток. Она смотрела на притворную улыбку Фредерика, которую он изобразил, ловко отвечая на расспросы отца. Только Мариетта знала о полотнах, сложенных в комнате у Джеффри, ближайшего друга Фредерика и, как узнала Мариетта, когда брат доверил ей свой секрет, его тайного любовника.

Эксперименты Фредерика с новомодным течением фовизмом?[2 - Фови2зм – модернистское течение во французской живописи периода постимпрессионизма конца XIX (зачатки) – начала XX века.] выражались в более размашистых мазках кисти и использовании более ярких красок, чем она видела на его картинах прежде. «Такие художники, как Матисс и Деррен, взбудоражили весь мир искусства в Париже, – объяснил Фредерик Мариетте за несколько недель до этого. – Когда Луи Воксель?[3 - Художественный критик.] увидел их картины на Осеннем салоне в прошлом году, он объявил их дикими животными, «фовистами», из-за насыщенных красок, блеска, жизни. Запомни мои слова: живопись не может умереть, живопись – это будущее, и она живет в моей крови, как балет живет в твоей.

Родители считали, что Теодор погасил страсть Фредерика к живописи еще до того, как у него начал ломаться голос, а потом отправил его изучать юриспруденцию. Теперь он уже выпускник колледжа, идет по стопам отца, и ему предстоит вместе с Теодором председательствовать в судах Ноттингема.

Именно должность судьи верховного суда принесла Теодору «титул учтивости»?[4 - Титул, носимый по обычаю. Не дает юридических прав, предоставляемых титулом, например права быть членом палаты лордов.] барона, что очень понравилось юной Иде, женщине обеспеченной, но жаждавшей удовольствия слышать, как сестры обращаются к ней «достопочтенная». Этот брак устраивал и столь же честолюбивого Теодора, и с тех пор супружеская пара маневрировала, стараясь подняться еще выше по социальной лестнице. Дети оказались еще одним ценным активом, который они могли использовать для достижения этой цели.

Мариетта под столом вытянула вперед ступню, думая о том, не следовало ли ей попросить портниху укоротить платье, чтобы она могла в нем танцевать. Вышитые розочки точно подходили по цвету к ее пуантам.

Теодор повернулся к Мариетте:

– А как ты проводишь свои дни?

Сон наяву развеялся, осталась лишь неприятная реальность.

– Я… – Мысли ее шевелились медленно, липкие, как карамель.

– Обычная череда выездов за покупками и приглашений на ланч. – Фредерик пришел ей на помощь, воздев очи горе.

Мариетта улыбнулась ему, а он кивнул. Дополнительные занятия балетом, поглощающие ее время, остались невысказанной правдой.

– Я сейчас вспомнил: твоя мать мне говорила, что ты на прошлой неделе не сумела привлечь к себе внимание лорда Комптона во время вечернего чаепития, несмотря на ее усилия устроить вашу встречу.

Королевский суп из чеддера – и без того поданный на стол чуть теплым, чтобы не возникла необходимость неприлично дуть на него, чтобы остудить, – комком застрял в горле Мариетты. Она сделала глоток бренди, пытаясь справиться с собой. И заговорила более уверенным голосом.

– Чарльз Комптон ужасно скучный и грубый. – Собственно говоря, он во время чаепития в недавно открытом ресторане «Рица» только и расхваливал гнедого чистокровного жеребца, которого ему должны привезти из Аргентины. Мариетта узнала гораздо больше, чем ей бы хотелось, о лошадях для игры в поло и не вставила в разговор почти ни одного слова. Однако успела заметить, что необычайно крупные зубы придают собеседнику некоторое сходство с его любимым жеребцом. Это не может служить доводом в пользу брака с ним. В отличие от нее, Ида провела несколько приятных часов за вином в компании герцогини, обсуждая приятельниц и декор Палм-Корта, выдержанный в нежном абрикосовом цвете, зеркальные стены которого тысячекратно отражали сверкающие люстры.

Ноздри Теодора раздулись.

– Позволь мне напомнить тебе, что лорд Комптон является маркизом Нортхэмптонским. В следующий раз, когда тебе придет в голову оскорбить пэра

Англии, ты должна вспомнить, что с моей стороны было неслыханной щедростью позволить тебе танцевать ваш балет в нашем бальном зале. Тебе давно пора проявить немного благодарности. Я пригласил лорда Комптона и несколько других потенциальных женихов на наш рождественский бал в надежде, что они сочтут твое мастерство в танце подходящим умением для будущей супруги. Возможно, это даже ускорит заключение брака.

Мариетта спокойно смотрела на отца поверх хрустального бокала.

– Дорогая, в твоем возрасте просто не подобает быть незамужней, – прибавила Ида. – Когда мне было двадцать, я уже три года как была замужем. – Она сделала паузу. – Возможно, лорд Комптон даст тебе второй шанс.

Фредерик откашлялся прежде, чем она успела ответить.

– Отец, что ты думаешь насчет этого нового линкора? Говорят, что королевский дредноут произведет революцию на нашем военном флоте.

Суп унесли и принесли следующее блюдо, слуги растворились в полумраке у стен, подобно вечно присутствующим теням. Мариетта не принимала участия в разговорах отца с братом о политике, она была благодарна Фредерику за то, что он перехватил нить беседы прежде, чем она успела сказать что-то необдуманное. Разговор с отцом был тактическим искусством, напоминающим игру в шахматы; он требовал четкой стратегии и сосредоточенности.

Она положила серебряную вилку, от запаха теста и жирной подливки скрутило желудок. Глядя в окно, она представила себе, что отражение свечи в темном стекле – это звезда, которой можно загадать желание. Во время танца она становилась волшебницей, пишущей заклинания вращениями и изгибами тела. Танец принадлежал только ей, ей одной, он не был средством соблазнить мужчину или оружием в руках отца, направленным против нее. В танце она летала на прозрачных крыльях, которые уносили ее вверх, прочь от тянущей к земле тяжести ожиданий ее родителей. Он манил ее видением другого пути, не того, по которому ее заставляли идти. Когда она танцевала, она обретала голос. И ничто не пугало ее больше, чем молчаливое будущее.

Глава 2

Хотя настоящий вечер еще не наступил, но на город уже опустилась черная, плотная тьма. Уличные фонари светили сквозь потоки дождя подобно линии маяков, следуя которым кони везли Мариетту на занятия балетом в семейной карете. Высоко в небе гремел гром, кафе сияли огнями и обещали тепло прохожим, вбегающим в их двери.

Сидящая рядом с Марие́ттой мисс Уортерс поджала губы.

– Шататься по городу в такую ужасную погоду! Но все-таки мы можем разумно потратить время. Давайте обойдем намеченные места вашей следующей встречи с лордом Комптоном. Ваша мать уже составила список.

Мариетта отвернулась к окну кареты.

– Мне не хочется.

Они проезжали мимо Старой рыночной площади, где шла оживленная подготовка к ежегодному Рождественскому базару, стояли большие открытые ящики, в которых виднелись коробки с имбирными пряниками и стеклянными шариками. Мариетта надеялась, что дождь перейдет в снег к моменту торжественного открытия базара. Она услышала, как мисс Уортерс неодобрительно фыркнула, и ждала неизбежного выговора. Ее бывшую гувернантку отец нанял в качестве платной компаньонки, и Мариетта не сомневалась, что эта женщина с маленькими глазками докладывает о каждом ее шаге, и это будет продолжаться до тех пор, пока ее благополучно не выдадут замуж. А пока Мариетте приходилось терпеть ее удушающее присутствие, как второй корсет.

– Умоляю вас подумать о последствиях ваших поступков, – проворчала мисс Уортерс. – В вашем возрасте не подобает проявлять подобную неуступчивость.

– Я начинаю подозревать, что выражение «не подобает» употребляют тогда, когда мнения людей не сходятся, – лукаво ответила Мариетта. Не успела компаньонка высказать очередное критическое замечание, как лошади остановились, Мариетта открыла дверцу кареты и выпрыгнула из нее.

Прикрываясь от дождя полями шляпы, она приподняла юбку над ботинками со шнуровкой и бросилась ко входу в балетную студию, чувствуя на своей спине обжигающий взгляд мисс Уортерс. Когда карета загрохотала по булыжникам узкого соседнего переулка, где ей предстояло ждать окончания занятий, Мариетта с облегчением вздохнула, взбежала по крутым ступенькам лестницы и укрылась в раздевалке, где переоделась в легкое балетное платье и туфельки.

Мариетта пришла в студию первой. Чтобы разогреться, она делала низкие и глубокие растяжки, разминая мышцы после сырости и холода, который пробрал ее до костей. Вода текла струйками по большим окнам по обе стороны студии. Студия находилась на крыше здания, надо было подняться еще на один лестничный пролет – и вы оказывались в «орлином гнезде», окна которого смотрели на Гуз-гейт. Студия напоминала чистый холст. Светлые деревянные полы и зеркальные стены ждали, когда их разрисуют музыкой и оживят. Два длинных балетных станка тянулись под окнами с каждой стороны, а маленькое потертое пианино стояло рядом с дверью.

В особняке чувства Мариетты были затянуты в тугой корсет, но здесь она сбрасывала его и избавлялась от всех следящих за ней глаз. Она выполнила серию гран-жете через всю студию, наслаждаясь свободой. Когда она выполняла серию быстрых вращений в центре студии, все ее неприятности улетали прочь, она чувствовала, как исчезает груз ожидания и остается только она сама и танец. Она высоко взмахнула ногой, с триумфом выполнив завершающий вертикальный шпагат. Но она уже была не одна.

Ее балетмейстер плавно вошла в студию. Несмотря на то что она опиралась на старинную, отделанную серебром трость, она так прямо и жестко держала спину, что напомнила Мариетте накрахмаленные воротнички, которые приносила из стирки прачка семейства Стелл. Ольга Белинская родилась в Санкт-Петербурге в девятнадцатом веке и служила балериной в императорском Мариинском театре. Она являла собой утонченное очарование в пастельном шифоновом платье, каждый ее шаг, каждое движение были продуманными и элегантными. Несколько морщинок осмелилось тронуть ее классическое славянское лицо, взгляд зеленых глаз в обрамлении накладных ресниц был острым, серебряные волосы собраны в узел под изумрудным шелковым шарфом.

– Пожалуйста, – по-русски произнесла она, взмахнув рукой. Мариетта заметила блеск огромного сапфира в ее перстне, по слухам подаренного ей одной из царевен после восхитительного исполнения па-де-де во втором акте «Жизели»,

которое растрогало юную принцессу до слез. – Продолжайте.

– Я закончила. – Мариетта провела рукой по лбу. – Я бы не хотела отнимать время у класса. – Пусть она и достопочтенная Мариетта Стелл, но в этой студии Ольга занимала более высокое положение.

Ольга стукнула об пол тростью.

– Ты в моей студии, девушка: мне решать, когда начнется урок. Покажи мне адажио Розы.

Мариетта проглотила возражения; Ольга была авторитарной учительницей, и если девушка не подчинится, то на следующем уроке ее место у станка опустеет. Она начала аллегро вступления. Одно из самых трудных мест в балете и кульминационный момент партии Авроры, которую ей дали в предстоящей постановке балета Чайковского «Спящая красавица». Она не привыкла исполнять ее в сольной адаптации, исполняя высокие балансе на пуантах.

– Следи за формой рук; помни, суть танца в деталях. Слушай музыку и реагируй соответственно.

Музыка уже не играла, но Мариетта медленно кружилась на месте, выгнув напряженную спину, и представляла себе нарастающие звуки музыки, которые льются в студию. Балет был золотым ключиком к ее собственному миру, тому миру, который ей хотелось бы никогда не покидать. Она вращалась, затерявшись в этом мире, выполняла высокие арабески и не сразу заметила, что в дверях столпились зрители; пришли остальные ученицы.

Ольга не обращала на них внимания.

– Ты должна уверенно держать равновесие. Подними лицо, – резко скомандовала она и еще раз стукнула тростью. Потом подошла ближе, и Мариетту окутал пьянящий аромат «Джикки»?[5 - Духи французской фирмы «Герлен».], ее фирменных духов, сочетающих аромат лаванды и ванили с чувственными нотками, которые делали его необычайно интимным.

– Ощути движение, оно должно быть эфемерным и мимолетным, как взлетающее крыло. – Она тростью приподняла подбородок Мариетты. Мариетта покачнулась, пытаясь удержать равновесие на кончике пуанта. – Балет живет в твоих костях; он течет в твоей крови. Он является самой сущностью личности балерины, обнажает ее самые сокровенные, присущие только ей качества; отказаться от него так же нереально, как отказаться от своей собственной души. Почувствуй это. Ощути изысканную боль, которую вызывает самая чистая форма любви, ибо именно это и означает танцевать балет.

Ольга отошла от нее. Мариетта смутно слышала, как она позвала остальных в студию, и комнату заполнили стройные ряды балерин. Воздух переполняли взгляды и любопытные перешептывания. Она заняла свое место у станка. В ней продолжал звучать голос Ольги.

Неприятное покалывание сменилось постепенно возникшим пониманием. Она не сможет сонно идти по жизни, состоящей из ланчей и обедов и из замужества, которое пригвоздит ее к одному месту, словно бабочку – стальными булавками, пронзившими крылья, красоту которой навсегда сохранят в стеклянной клетке, но сердце ее уже перестанет биться.

Ей необходимо вырваться на свободу.

Глава 3

Следующая неделя пролетела быстро и была дождливой. Дождевые тучи проносились над Ноттингемом, омрачая вечера и настроение в особняке Мариетты. Казалось, чем сильнее она цеплялась за последние дни занятий балетом, тем быстрее они от нее ускользали. Темные тучи давили на нее все сильнее по мере того, как репетиции рождественского балета «Спящая красавица» становились все напряженнее, к тому же они сопровождались спорами насчет будущего балерин, принятием решений и досужими сплетнями о Дроссельмейере, возникающими повсюду, куда бы ни пришла Мариетта. Разминаясь у станка в перерыве между репетициями, она услышала разговор двух знакомых девочек, которые переговаривались поверх ее головы.

– Мама телеграфировала в Париж и заказала наряд сильфиды для моего конкурсного показа в театральной труппе. Очень надеюсь, что его доставят вовремя. Я буду ужасно разочарована, если придется танцевать в другом платье; важнее всего соблюсти цветовую гамму «Сильфиды», – сказала Виктория, закалывая каштановые волосы в блестящий узел и окружив себя щедрым облаком духов «Роза Жакмино». Она театрально вздохнула. – Мне так хотелось бы, чтобы отец смог написать балет, в котором я бы продемонстрировала свои таланты; Марии Тальони несказанно повезло.

Харриет, прозаичная в той же мере, в какой Виктория увлекалась романтическими фантазиями, ответила:

– Кто-то мне когда-то говорил, будто пару ее балетных туфелек приобрела за мешок рубинов группа фанатичных балетоманов, которые затем сварили их и подали на обед под соусом.

Виктория сморщила носик:

– Как это отвратительно!

«Интересно, какой соус они выбрали», – промелькнуло в голове у Мариетты.

– Тебе следует стараться показать свое мастерство в танце, а не строить честолюбивые планы и поддаваться романтичным увлечениям, предпринимая слишком много тщетных попыток заманить в свои сети перспективных женихов.

– Ты меня считаешь заурядной девушкой с улицы! – рассмеялась Виктория, но ее смех прозвучал слишком пронзительно.

Улыбка Харриет стала слащавой.

– Возможно, если бы ты прекратила гоняться за неуловимым доктором Дроссельмейером, ты уже достигла бы совершенства в своей вариации. Я хочу сказать, ты ведь еще даже не знакома с этим мужчиной.

– Я слышала, что никому еще не удалось зазвать его к себе в гости, хотя половина светского общества уже строит свадебные планы, – проворчала

Виктория. – Он самый перспективный холостяк из всех, у нас давно таких не было.

– Я слышала, что он унаследовал состояние при таинственных обстоятельствах и поэтому ведет себя так скрытно.

Виктория вздохнула:

– Наверное, лучше мне направить энергию на свою вариацию.

– Это было бы разумно. Что ты решила исполнить на конкурсе?

Мариетта вздрогнула, она с опозданием поняла, что это ее втягивают в беседу.

– Я не пойду на отборочный показ, – ответила она с улыбкой, такой же грустной, как и ее настроение. – Мои родители категорически это запретили. – Ей давно уже объявили, что по достижении двадцати одного года ей предстоит оставить занятия балетом и выйти замуж, а ей исполнится двадцать один год как раз в канун Нового года.

– Почему? Отборочный конкурс в балетную труппу – это больше чем привилегия, это почетно. – Светло-карие глаза Виктории засверкали, она глубже опустилась в растяжке. Мариетта могла бы сосчитать веснушки, рассыпавшиеся по ее переносице и припудренные в тщетной попытке замаскировать их. – Их балерины выступают в самых лучших театрах, перед самыми высокопоставленными зрителями, танцуют в Париже, в Вене и в Санкт-Петербурге.

– Однако для женщин высшего света все иначе, не правда ли? – В карих глазах Харриет промелькнуло презрение. Поскольку она была чернокожей, в ее жизни встречались такие трудности и препятствия, которые не могла понять Мариетта. Мариетте были предоставлены все условия и привилегии, а Харриет, хоть она и была воспитанницей дяди Виктории, пришлось побороться, чтобы получить место в той же балетной студии. Мать Мариетты ничего не сделала для того, чтобы помочь отношениям, она явно дала понять, что ей совершенно безразличны «легкомысленные балетные подруги» Мариетты, и она не одобряла их общения в свете. Виктория, Харриет и мадам Белинская никогда не получали приглашения к ним в особняк на ланч или на вечерний чай в городе, и поэтому

Мариетта часто оказывалась вне их круга, хотя ей очень хотелось стать их близкой подругой.

Мариетта повесила голову.

– Я обязана оправдывать ожидания моей семьи. – Эти слова вонзились в ее сердце, как острые шипы. Она постаралась справиться с выражением лица и не выдать внутреннее смятение.

Виктория поджала губы.

– Почему тебе нельзя преуспеть и в том, и в другом? Я тоже женщина из высшего общества, но не собираюсь позволить каким-то старомодным пережиткам диктовать мне, что можно делать со своей жизнью, а чего нельзя.

Виктория бросила в сторону Харриет испепеляющий взгляд, а Мариетта скрыла улыбку. Она никогда не могла определить, были ли эти две женщины самыми близкими подругами или хитрыми соперницами, маскирующимися под подруг.

Однако она вынуждена была признаться себе, хоть ее это и тревожило, что она испытывает глубокую и постоянную зависть к ним обеим. Виктория безукоризненно исполняла вращения, словно способность поднимать и сгибать ноги под прямым углом была врожденной, а прыжки Харриет, казалось, нарушали закон гравитации. Они все трое начали балетную карьеру очень рано, примерно в одном возрасте, и с тех пор были свидетельницами побед и разочарований друг друга. Мариетта до сих пор помнила терпкий вкус лимонного суфле, которое ела в свой первый день здесь, ведь этот вкус сопровождал ее первый, решающий шаг в мир балета.

Она тогда стояла рядом с Харриет и Викторией, три юные девушки были одеты в белоснежные платья и полны детскими мечтами и желаниями, а мадам Белинская тыкала в их ноги своей тростью и приводила каждую в ужас, пока не провозгласила: «Хорошо, очень хорошо». Занятия начались в тот же день. Виктория и Харриет уже были близкими подругами, так как росли вместе как кузины, а Мариетта осталась в стороне. Неуклюжая девочка, она сначала предпочитала относительное одиночество. Позднее она начала спрашивать себя, не следует ли постараться сблизиться с ними. Вся ее жизнь скользила по рельсам к неизбежному будущему, если только она не предпочтет устроить

крушение, и союзников у нее не было.

Теперь глубоко посаженные глаза Харриет впились в Мариетту.

– Гоняться за своими мечтами – это особый вид страдания; он не для слабых духом и трусих. Он требует много сил и безграничной решимости.

Мариетта резко втянула воздух.

– Я хорошо понимаю, что для этого требуется, благодарю. – Решимость бушевала в ней подобно пламени, его языки опаляли ее нервы, ее сухожилия. Постепенно в голове зарождался план, она искала способ разорвать путы, сформированные в ней воспитанием.

– В пятую позицию, мы начнем с плие, – крикнула мадам Белинская, стукнув тростью об пол как обычно. Пол в передней части класса был испещрен отметинами трости после ее эмоциональных вспышек. Старенькое пианино заиграло простую мелодию, которую с трудом извлекал из него не менее старый Василий, их постоянный пианист, настолько же серый, насколько яркой была мадам Белинская. Шелестя шелками, балерины выстроились в ряд. Мариетта высоко держала голову. Несмотря на то что ей было бы легче подчиниться желаниям родителей, она понимала, что если она уступит, то это будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь. А Мариетта Стелл не была ни слабой духом, ни трусихой.

Когда Мариетта вернулась с репетиции, ее встретил щебет женских голосов, доносившийся из гостиной матери, где она устраивала вечернее чаепитие с ближайшими подругами, обмениваясь с ними сплетнями.

– И он слишком молод, чтобы иметь столько седых волос, хотя я считаю, что это придает ему определенную солидность, – размышляла Аделаида, мать Джеффри, когда Мариетта проходила мимо двери в гостиную.

– Я слышала, что бедняга недавно овдовел, – сказала Вивиан, кузина Иды, с притворным вздохом.

– Ну а я слышала, что он не был женат, но вернулся в Англию, чтобы заключить выгодный брак. Очевидно, у доктора огромное состояние.

– Несомненно, он будет искать такую жену, которая будет вести хозяйство в его городском особняке и станет пропуском в высшее общество, – сказала Ида, стараясь говорить безразличным тоном, и эти слова заставили Мариетту остановиться на ковре в прихожей. – Я уже отправила ему приглашение к нам на обед.

Мариетта нахмурилась, глядя на лампу от «Тиффани», привезенную из Нью-Йорка.

– Ты должна нам все рассказать. Прошло уже несколько лет после кончины Эдгара; возможно, Дроссельмейер обратит внимание на меня, – произнесла Вивиан под звон чайных чашек из китайского костяного фарфора. – Я слышала, что он довольно красив.

Аделаида расхохоталась:

– Ох, Вивиан, ты иногда бываешь такой смешной.

– Да, очень, – согласилась Ида. – Моя кузина такая забавная.

Мариетта улыбнулась, но поделилась этой тайной улыбкой только с обоями в цветах жимолости от Уильяма Морриса. Она снова спустилась вниз к бальному залу, оставив мать во власти далеко идущих планов, которые выдавал ее взволнованный тон.

Она буквально почувствовала то страстное, ненасытное любопытство, которое охватило мать. Она сочувствовала этому мужчине, потому что Ноттингем был полон слухов о нем, и казалось, что, куда ни повернись, натыкаешься на разговоры о его персоне. И, хотя Мариетта не призналась бы в этом никому, ее саму начинал интриговать этот новый приезжий.

Глава 4

Только два дня спустя состоялось знакомство семейства Стелл с доктором Дроссельмейером, о котором ходило столько слухов в высшем свете.

Когда Мариетта вернулась в тот вечер домой с репетиции, она обнаружила в своей спальне новое платье, висящее на тройном экране, которое мать заранее выбрала для нее, и это означало, что к обеду у них будет гость. Платье из светло-розового шифона, у талии приколота бриллиантовая брошь, с длинными рукавами и нежными кружевными оборками на корсаже. Мариетта пропустила сквозь пальцы усыпанные жемчужинками кружевные рукава, полупрозрачные и изящные, словно сотканные из лучей лунного света. Балет – это поэзия движения, и Мариетта жила ради того, чтобы забывать обо всем в танце, но когда она увидела это платье по возвращении домой, оно стало неприятным напоминанием о той будущей жизни, которую ей готовили родители.

– Моя портниха из Мейфэр заверила меня, что эти оборки помогут скрыть недостатки твоей фигуры, – сказала Ида, появляясь у нее за спиной в облаке атласа и аромата розовой воды.

Балет одарил Мариетту стройностью и гибкостью, бесконечные плие и батманы сделали мышцы сильными и твердыми, бедра стройными, а грудь плоской; все это шло вразрез с модой. Ида поджала губы, рассматривая балетное платье Мариетты, простое и воздушное, позволяющее балерине совершать прыжки в воздухе.

– Тебе обязательно нужно носить этот непристойный наряд в доме? Это неприлично.

Когда Мариетта надела его в первый раз, с Идой буквально случилась истерика.

– Разве есть повод так разодеться? – Мариетта посмотрела на сверкающее платье Иды. Оно было кобальтового цвета и вызывало воспоминания о бликах солнца на воде в те летние дни, когда они устроили роскошный отдых на Французской Ривьере, где и дни, и небо казались бесконечными. Это усеянное блестками и расшитое черным бисером платье было намного пышнее тех, которые мать обычно носила в кругу семьи, и дополнением к нему служили шелковые перчатки и двойная нить жемчуга.

– Доктор Дроссельмейер любезно принял наше приглашение и сегодня обедает у нас, – ответила Ида, когда Мариетта исчезла за тройным экраном темно-розового цвета. Он отделял большой угол ее спальни, и все равно комната оставалась очень просторной. По серебристым еловым веткам на обоях рассыпаны розы, темный цвет деревянных полов смягчали светло-кремовые ковры, а окна эркеров выходили на морозную улицу. Плотные шторы у каждого окна были подвязаны к стене так, что соединялись друг с другом и идеально прикрывали балетный станок, который сделал для Мариетты Фредерик лет пять назад. Мариетта сменила белое балетное платье, в котором репетировала партию Авроры, на сорочку и корсет, который делал ее формы немного более пышными.

– Мы станем самой первой семьей, которая пригласила к себе доктора, – с гордостью продолжала Ида. – Насколько я понимаю, он очень таинственный джентльмен. Слишком молод, чтобы бросить медицину и заняться до странности несерьезным делом, и у него необычно большое состояние для семейства, о котором раньше никто ничего не слышал.

Мариетта вышла из-за экрана.

– Ты можешь быть свободна, Салли, – сказала Ида.

Камеристка Мариетты – тихая, неприметная женщина лет тридцати, с широко расставленными глазами, которые смотрели на мир так, как могли бы смотреть глаза раненой белки, – быстро присела в реверансе и вышла из комнаты.

– Позволь мне, дорогая. – Ида ухватилась за шнурки корсета Мариетты.

– В самом деле, мама, я вполне способна справиться сама. Ты пугаешь бедную Салли, – напрасно возражала Мариетта. Она поняла, что мать покачала головой, по звяканью ее серег с бриллиантами и гагатом.

– Сама ты делаешь это слишком слабо. А эта женщина чересчур стремится тебе угодить, мне это не нравится. Я заметила, что на некоторые обеды она позволила тебе явиться одетой неподобающим образом. – Ида тянула за шнурки так, что бедра Мариетты выступили вперед, спина изогнулась дугой, а грудная клетка выгнулась колесом, как у надутого голубя.

– Так достаточно, – Мариетта выдохнула слова вместе с остатками воздуха в легких, но Ида проигнорировала ее мольбу и затянула шнуровку еще туже, а потом завязала узел, заключив Мариетту в броню из корсетной ткани, батиста и атласа. – Мне объяснили, что новый способ шнуровать корсет не мешает легким функционировать, – сухо сказала она матери.

Это замечание Ида тоже проигнорировала.

– Когда придет доктор Дроссельмейер, надеюсь, ты будешь играть роль любезной хозяйки, приличествующую твоему положению. Ты не отличаешься красотой, Мариетта; нет шансов полагать, что один из Вордсвортов?[6 - Уильям Вордсворт – английский поэт-романтик XIX века.] расчувствуется и прославит в стихах твое очарование. Однако красота вянет, а обаяние может остаться на всю жизнь. Сегодня вечером, я надеюсь, ты будешь очаровательной. Ни слова о политике, танцах и других скандальных темах, которыми ты имеешь обыкновение портить наши беседы. И никаких пререканий с отцом. Почему тебе всегда так хочется бросать ему вызов, никак не пойму. – Она умолкла, оглядывая дочь, щеки которой горели от сдерживаемого отчаяния. – Тем не менее у тебя сегодня очень милый румянец, дорогая. Как удачно, что он сочетается с оттенком платья.

Пока Ида снова звала Салли, Мариетта рассматривала себя в напольном зеркале. Интересно, их гость так же, как она, ненавидит напыщенность высшего света со всеми его условностями?

«Производитель игрушек, – подумала она. – Как это… свежо». По крайней мере, он может оказаться интереснее череды ее ухажеров, которые один за другим начинали вести скучные разговоры. Без сомнения, их семья первой пригласила его, ведь они были одним из самых богатых семейств в городе и, конечно, самым влиятельным благодаря неустанным заботам матери об их возвышении. Она вздохнула при мысли о расспросах Виктории, когда та узнает об этом, и подумала о том, понимает ли Дроссельмейер, какое впечатление он произвел на матерей из высшего общества. Она вспоминала все дошедшие до нее слухи, и то, что ей все-таки очень любопытно, раздражало. Она выпрямилась, когда Салли снова вошла в комнату, чтобы помочь ей одеться. Ее новое платье спустилось мягкими складками к белым туфелькам из марокканской кожи, застегнутым тремя тонкими ремешками.

– Нам надо что-то сделать с ее волосами, Салли. – Ида оглядела черные волосы Мариетты, небрежно заплетенные в косу, переброшенную через плечо, и подняла руку к своей сложной прическе в стиле Помпадур.

Салли переводила взгляд с одной на другую, будто она была зрительницей на Уимблдонском турнире. По крайней мере, ее выгнали из комнаты прежде, чем Ида открыла свои намерения относительно Дроссельмейера; Мариетте вовсе не хотелось, чтобы они стали темой сплетен прислуги. Ее терпение стало расползаться подобно обрывку старого кружева.

– Ты давно видела отца?

Ида взяла серебряную щетку с туалетного столика.

– Не видела с тех пор, как он отказался сопровождать меня на званый ланч. А почему ты спрашиваешь?

Мариетта постаралась изобразить на лице выражение беззаботности.

– Я хотела узнать, известно ли тебе, что у него сегодня вечером гость.

Ида побледнела под румянами, в использовании которых она никогда не признавалась.

– Конечно нет, надо же, именно сегодня!

Мариетта застегнула в ухе жемчужную сережку.

– Боюсь, я не видела, с кем он беседовал; я только слышала голоса в библиотеке, когда Джарвис нес туда поднос с вином.

Ида сунула щетку Мариетте и выбежала из комнаты. Надев вторую сережку и берясь за пудреницу, Мариетта встретилась в зеркале глазами с Салли. Она широко улыбнулась камеристке, припудривая носик.

– Очень изобретательно, мисс, – сказала Салли, держа в руках открытую коробку с шелковыми перчатками.

– Спасибо, Салли, – ответила Мариетта, выбирая пару кремового оттенка. Ида не найдет в библиотеке предполагаемого гостя отца, но Мариетта готова была побиться об заклад, что она найдет другой повод для критики.

Салли вышла из комнаты, оставив дверь открытой. И Мариетта услышала, как дворецкий объявил о приходе доктора Дроссельмейера.

Глава 5

Вот так серым вечером семейство Стелл наконец познакомилось с доктором Дроссельмейером, о котором ходило так много слухов.

Мариетта вошла в гостиную в тот момент, когда их дворецкий, Джарвис, объявил своим звучным голосом, что обед подан; она всегда так поступала, чтобы избежать долгого обмена любезностями, в котором иначе ей пришлось бы принимать участие.

Ида бросила на нее укоризненный взгляд, стараясь, однако, не сморщить напудренное лицо, что несколько ослабило эффект.

Она вошла в комнату и взяла бокал «Вдовы Клико» с подноса ближайшего лакея. Отец не заметил ее опоздания, так как с увлечением обсуждал с доктором Дроссельмейером нового премьер-министра, Генри Кэмпбелл-Баннермана, который принес блистательную победу на выборах либералам. Мариетта втайне одобряла его план социальных реформ, но Теодор опасался, что он отдаст всю власть профсоюзам, и часто выражал свою неприязнь к этому человеку. Дроссельмейер стоял спиной к Мариетте, ткань его смокинга переливалась при электрическом свете люстры, а брюки такого же угольно-черного цвета позволяли видеть черно-белые полосатые туфли, такие же модные, как те, что обычно приобретал себе Фредерик.

– Не перейти ли нам в столовую? – голос Теодора прервал их разговоры. Дроссельмейер кивнул, поворачиваясь к двери. – А, Мариетта, наконец-то ты материализовалась. – Хрустальный бокал в руке Теодора уже почти опустел, что объясняло его веселое настроение. – Доктор Дроссельмейер, позвольте

представить вам мою дочь, достопочтенную Мариетту Стелл.

Дроссельмейер повернулся и посмотрел на Мариетту.

– Я очень рад познакомиться с вами, – произнес он, отвесив немного старомодный легкий поклон.

– Я тоже, – ответила Мариетта и протянула ему руку. Он легонько сжал ее пальцы. Он оказался более высоким и более красивым, чем она запомнила его, мельком увидев недавно, и это объясняло большое количество слухов о нем. У него были ледяные голубые глаза, и она обнаружила, что не может оторвать от них взгляда. Нечто загадочное таилось в их глубине, и это приковало все ее внимание. Прежде чем она сумела понять, что это такое, непонятное выражение промелькнуло на его лице, а чувство погружения в ледяную глубину пропало, его глаза сделались самыми обыкновенными. Мариетта моргнула, отводя взгляд в сторону, и обнаружила, что он все еще держит ее руку. Она отняла ее с вежливой улыбкой, стараясь скрыть румянец, растекающийся по лицу и шее до самого корсажа. Если Цицерон был прав и мысли отражаются в глазах, то доктор ее удивил. Ее заинтересованность росла.

– Доктор Дроссельмейер был так добр, что подарил нам одно из своих изобретений, – сказала Ида, указывая на дорожные часы, стоящие на столике у дивана под большим портретом маленького Фредерика, похожего на ангелочка.

Гостиная, просторная, в сине-серых тонах, с белыми панелями и высокими окнами, со «Стейнвеем» в углу, была обставлена диванами в стиле честерфилд и мягкими креслами. Ее наполнял запах тепличной сирени. Шкаф из красного дерева тянулся вдоль одной из стен, в нем были выставлены лучшие реликвии семьи: несколько старых солдатиков Фредерика, вынутых прямо из коробки, с которыми ему играть запрещалось; фарфоровая кукла Мариетты в шелковом платье, с локонами, которую она любила и назвала Кларой, но она любовалась ею издалека, прижавшись ладонями к стеклу; их с Фредериком постановочные фото, с одинаковым выражением на ретушированных лицах, с которых убрали все эмоции, словно их никогда и не существовало. Рядом со снимком, на котором Фредерик держит свой диплом об окончании школы, было оставлено пустое место, ожидающее фотографии со свадьбы Мариетты. Она отвела от него глаза и подошла к часам.

– Чудесная вещь и очень искусно сделанная, – сказал Теодор, протягивая бокал ближайшему лакею. Тот поспешно его наполнил. – Я утверждаю, что на торговле подобными вещами можно сделать состояние.

Мариетте хотелось понять, почему отец изменил свое мнение: то ли он просто проявляет благодушие, выпив перед обедом с Дроссельмейером, то ли она что-то здесь упускает?

Она рассматривала часы. Это была изящная, но простая конструкция из черного ореха, единственным ее украшением служила гирлянда роз, вырезанная из дерева.

– Если позволите… – Дроссельмейер протянул руку из-за ее спины, – необходимо повернуть стрелки. – Он вращал их по циферблату до тех пор, пока они не показали четыре часа, потом отступил назад и стал ждать, сцепив руки за спиной. На часах распахнулись две потайные дверцы, из них вышел игрушечный солдатик. Его маленькие ручки и ножки приводил в движение механизм, и все увидели, как он отдал честь, щелкнул каблуками, а потом промаршировал обратно и исчез внутри часов.

Мариетта улыбнулась:

– Какое замечательное изобретение. – Она провела рукой по поверхности часов, чтобы нащупать границы дверей, но дерево было гладким и ровным.

– А вы покажите ей, что происходит в полночь, – попросил Фредерик, присаживаясь на край ближайшей кушетки, чтобы еще раз это увидеть.

– И что же происходит в полночь? Теперь я просто должна это узнать. – Мариетта взглянула на Дроссельмейера как раз вовремя, чтобы увидеть его улыбку. Она не могла не заметить, как Ида, стоящая у противоположной стены рядом с мужем, что-то тихо шепчет Теодору.

– Только самые волшебные события происходят в полночь. Когда смертные спят спокойно в своих постелях, именно тогда духи и гоблины выбираются наружу, а воздух искрит от могучей магии. – Он придвинул стрелки к колдовскому часу.

Мариетта задрожала. За окном побледневшая луна выплыла на небо и время от времени смотрела на них белым, как молоко, взглядом сквозь клочья облаков. Заухал филин, ветка постучала в окно, а свечи сияли, как упавшие звезды. В ее сердце возникло нечто похожее на сладкое предчувствие. Когда часы пробили полночь, открылся ряд крохотных люков, и стали видны двенадцать маленьких фей, окруженных облаками лилового тюля и серебряными блестками. Они летали вверх и вниз на механических стеблях роз, но исчезли таким же чудесным образом, каким появились, и не оставили после себя ни искорки.

– Что за очаровательное творение, – сказала Мариетта. – Оно такое же волшебное, как те сказки, которые я читала в детстве. Отец совершенно прав, у вас необычайный талант.

– Пойдем, – позвал их Теодор и повел Иду к обеденному столу, его щеки были багровыми над шелковым галстуком – темно-синим, в цвет платья Иды.

– Хотя вы слишком добры, ваш комплимент меня согрел. Могу я проводить вас к столу? – Дроссельмейер предложил ей руку.

Мариетта согласилась. Она улыбнулась и взяла его под руку. Рукав его смокинга был шелковистым, от него веяло мятой и тайнами. Она положила на его руку кончики пальцев.

Весь предыдущий день Ида присматривала за слугами, которые убирали столовую к обеду и наводили лоск, чтобы показать все в наилучшем виде. Стол из красного дерева и стулья, отполированные до блеска, издавали легкий медовый аромат. Большие хрустальные вазы до краев были наполнены розами и белыми левкоями, в других лежали сладости пастельного цвета, персикового и сливочного. Деревянный пол устилал персидский ковер, который вычистили по такому случаю. Электрические светильники выключили и зажгли свечи, предпочитая мягкое сияние. Свечи в серебряных подсвечниках стояли среди приборов и посуды на столе. Другие свечи, накрытые абажурами, отбрасывали мерцающие тени.

Мариетту усадили рядом с Фредериком, напротив доктора Дроссельмейера, а родители расположились на противоположных концах стола. Он мельком взглянул на нее, когда они заняли свои места, и Мариетта опустила глаза,

пытаясь скрыть румянец. Она занялась расстегиванием пуговок на длинных кремовых перчатках, потом отогнула их шелковистый материал на запястьях.

– Вы очень удобно устроились в Ноттингеме, насколько я понимаю. Скажите мне, как вам нравится наш прекрасный город? – спросил Теодор, пока его бокал наполняли шерри перед подачей супа.

Дроссельмейер встряхнул салфетку.

– Должен признаться, что для меня самого стало неожиданностью, что мне так понравился город. Большинство считает, что только такие крупные города, как Лондон, Париж и Нью-Йорк, заслуживают внимания, но я обнаружил, что у Ноттингема есть свой определенный шарм.

Он отвечал вежливо и обдуманно. Мариетта помешивала ложкой в супе из лука-порея и картофеля с крутонами, заправленного сливками, оценивая его.

– У нас очаровательный город, – сухо произнес Фредерик. – А что именно привлекло ваше внимание к Ноттингему? Кажется, вы говорили, что прежде были врачом?

– Правильно. Собственно говоря, несколько лет назад у меня была частная практика в Лондоне.

– Собственная частная практика – это значительное достижение для человека ваших лет. – Темно-синие глаза Иды блеснули при свете свечей, ее явно привели в восторг его достижения, и ее улыбка была столь же ярким аксессуаром, как жемчуг на ее шее.

– Вы очень добры. Хотя, должен признаться, мне было довольно скучно этим заниматься. – Дроссельмейер повертел в длинных пальцах суповую ложку. Серебро сверкнуло, и Мариетта бросила на него взгляд. В этом сиянии она увидела стеклянного лебедя, плывущего по зеркалу озера. Ей привиделись лед, и звезды, и холодное, темное пространство между ними, которое обычно наполняло ее ужасом, если она слишком долго о нем размышляла. Она нахмурилась, и видение растаяло.

– Я вскоре устал от монотонности моей профессии и сбежал из Лондона на какое-то время, и мне повезло, так как именно тогда я открыл для себя смысл жизни в моем теперешнем занятии.

Дроссельмейер продолжал говорить, а Мариетта вернулась к супу, не обращая внимания на тревожный трепет крыльев бабочки в сердце. Должно быть, она дала волю своему воображению.

– В изготовлении своих изобретений? – Теодор покончил с супом и теперь допивал свой бокал.

Интуиция сестры подсказала Мариетте, что Фредерик пытается привлечь ее внимание. Медовая улыбка появилась на лице Дроссельмейера. Медленная, томная улыбка человека, который считает, будто он владеет тайнами мира. Мариетте было любопытно, что он скажет дальше.

– Я предпочитаю считать, что занимаюсь распространением волшебства, – сказал он и широким жестом встряхнул свою салфетку над столом. Когда он отдернул ее, Мариетта поднесла ладонь ко рту. На столе сидел маленький стеклянный лебедь. Хрупкий и прозрачный, он светился и собственным светом, и отраженным – свечей.

– О, как это прекрасно, – произнесла она, очарованная, но озадаченная.

Дроссельмейер с легкой улыбкой склонил голову:

– Считайте это маленьким подарком. – Он протянул лебедя Мариетте.

Ида расплылась в улыбке.

Мариетта вертела стеклянного лебедя в руках, подставляя его лучам света и восхищаясь его изяществом.

– Вы мне льстите, доктор Дроссельмейер. Я действительно очень люблю лебедей, они такие прелестные создания. В природе редко встречается такая утонченная элегантность. Я в восторге от вашего подарка. – Она гадала, привиделся ли ей только что этот лебедь. В столовой было тепло, и окна

запотели.

– Не стоит благодарности, – мягко ответил Дроссельмейер. – Лебеди служат превосходными моделями, хотя вы должны знать, что в жизни они столь же злобные, сколь элегантные. Природа безжалостна.

Мариетта подняла глаза, удивленная его словами.

– Боюсь, что так часто бывает, красота имеет и темную составляющую, – заметила она, и Дроссельмейер посмотрел ей в глаза, его взгляд потемнел, он был заинтригован. Она почувствовала в нем родственную душу, которой не управляют те же законы, что и большинством людей его класса. – Возможно, именно наше непонимание природы заставляет нас считать ее жестокой и грубой. Для лебедей это просто жизнь, – закончила она.

Фредерик взял стеклянного лебедя из ее руки и осмотрел его, вертя из стороны в сторону.

– Его дизайн великолепен, напоминает «Аполлона и Дафну» Бернини длинной шеей. Вы создали впечатление плавности его движений, хотя вместо того, чтобы превратить камень в шелк, вы играете с эффектом света, используя в качестве материала стекло.

Мариетта толкнула ногу Фредерика под столом. Он опомнился, снова поставил лебедя перед Марие́ттой и прочистил горло.

Суповые тарелки убрали, их сменило блюдо из рыбы и бокалы белого вина, предварительно выбранного Джарвисом и принесенного для одобрения Теодору. Мариетта снова взглянула на Дроссельмейера, пока лакеи суетились вокруг них, подавая обед ? la Russe?[7 - Сервировка ? la Russe, сервировка по-русски, – способ сервировки блюд, при котором их подают к столу не одновременно (как при французской сервировке), а по очереди, в отдельных тарелках.]. Свечи под кремовым абажурами освещали его серебряные волосы, а по классическим чертам лица пробегали тени. Потом лакеи снова заняли свои места.

– Ваш сын великолепно образован, – заметил он Теодору, лицо которого застыло.

– Где вы жили до того, как приехали в Ноттингем? – задала вопрос Мариетта, пока отец не успел ответить.

– После того как я решил покинуть Лондон, я отправился в паломничество с целью изучить свое ремесло.

Мариетта, выбиравшая нужный серебряный столовый прибор, замерла.

– Вы не расскажете нам больше? Я могу подумать, что вы намеренно даете уклончивые ответы. – Она насмешливо улыбнулась.

Ида вздохнула:

– Мариетта, дорогая, прекрати допрашивать бедного доктора, прошу тебя.

Теодор покачивал вино в своем бокале, не в силах погасить в себе вспыхнувший интерес. Мариетта подозревала, что ему любопытно так же, как и ей.

– Все в порядке. Боюсь, меня разоблачили, я отвечал уклончиво, – сказал Дроссельмейер. Он приподнял брови, увидев плохо скрытую насмешку Мариетты. – Мне очень неприятно, но я не могу открыть вам, где это; это коммерческая тайна, и я дал слово ее соблюдать.

– Как это интригующе, – усмехнулся Фредерик. – Нет ничего лучше нескольких отборных секретов для создания загадочного ореола.

Дроссельмейер продолжал смотреть в глаза Мариетты.

– Однако мне разрешено развлекать вас теми чудесами, которые я повидал во время путешествия. Рассказать о том, как я сидел на вершине пирамиды и смотрел на оранжево-медовый восход солнца, озаряющий пустыню. О древних руинах, омываемых морем, и о городах, погребенных в глубине джунглей. О ледяной пустыне огромной северной тундры, где бродят олени, дрожит луна и северное сияние колдует в небе.

Мариетта почувствовала укол зависти. Кажется, иметь Дроссельмейера в качестве постоянного гостя будет очень интересно.

– По-видимому, у вас богатый опыт путешественника, – Теодор откашлялся, – однако я и сам не такой уж затворник. Вы должны выкурить со мной пару сигар после обеда, и мы обменяемся историями. Я покупаю только лучшие сигары, у меня тот же поставщик, что у короля Эдуарда, да будет вам известно, – прибавил он доверительным шепотом.

Вместе с выпечкой принесли еще шампанского. Мариетта отказалась и от того, и от другого, слушая, как отец дирижирует беседой.

– Мое упущение, что я раньше не сказал о том, какой красивый шкаф заметил в вашей гостиной, – сказал Дроссельмейер, когда подали десерт. Пирог в соусе из красного вина, тонко нарезанный прозрачными ломтиками картофель и гору свежих овощей. Мариетта делала маленькие глотки, ей было душно после тяжелого, сытного обеда и от жара, который испускали мигающие свечи.

Ида одарила его блаженной улыбкой.

– Вы слишком щедро раздаете комплименты, доктор Дроссельмейер.

– Может быть, вы позволите мне смастерить для этого шкафа что-нибудь новое?

– О, я не могу принять… – начала Ида.

– Это доставит мне удовольствие, – перебил ее доктор Дроссельмейер.

В улыбке Иды ясно читалась жадность.

– Ну, если вы настаиваете, то мы будем вам очень признательны. Ваши изобретения просто чудесны, я прежде ничего подобного не видела.

Мариетта не сомневалась, что вскоре все будут стараться заполучить одну из поделок Дроссельмейера. Частица магии в их собственном доме, очарование, которое будет питать воображение, согреет ностальгическими мыслями о давно минувших днях, об оживших сказках, игрушках и детских играх. Сам этот человек тоже был очаровательным, и Мариетта с удовольствием обнаружила, что ей доставляет удовольствие его общество. Уже давно в дом к семье Стелл не приходили гости, которые не казались ей невыносимыми, и, более того, она была

не единственным членом семьи, которого очаровали его рассказы.

Дроссельмейер оказался идеальным гостем.

Глава 6

Когда вечер сменился ночью и колдовской час опустился на особняк семейства Стелл, все стало молчаливым, как звезды на небесах. Мариетта шла по коридору верхнего этажа. Это был мир темно-бордового ковра и портретов выдающихся членов их семьи, написанных за многие столетия. Хотя остальной дом с тех пор перекрасили в более светлые тона с цветочными мотивами, оформление коридора, ведущего к старой детской, оставалось викторианским. Мариетта нашла Фредерика греющимся у камина в их общей гостиной. Он снял черный сюртук и развязал галстук в крапинку. Не оборачиваясь к ней, он сказал:

– Я не видел маму такой взволнованной с тех пор, как сын Камберса проявил интерес к возможности умыкнуть тебя. Мне почти жаль Дроссельмейера.

Мариетта захлопнула за собой дверь с более громким стуком, чем намеревалась. Розовое сияние светлых обоев и потрескивание огня делали комнату уютной, несмотря на устаревшую мебель и потертые ковры. Это была единственная комната в особняке, в которую их родители не осмеливались входить, и они провели здесь много часов в приятном уединении. Именно здесь Фредерик, стоя перед ней со своим любовником, посвятил ее в их тайну. Здесь они проводили вдвоем целые вечера: Мариетта выполняла свои пируэты, а Фредерик рисовал, их любовь и доверие друг к другу росли и крепли по мере того, как дно бутылки с шампанским становилось все ближе.

Фредерик повернулся и окинул ее взглядом:

– Тебя что-то беспокоит?

– Я уже и думать забыла о Филиппе, пока ты не вспомнил. – Она потерла висок при воспоминании об их неудачном ланче в прошлом месяце под бдительным надзором гувернантки.

Фредерик усмехнулся:

– Это тот, который произносил монолог об охоте в их семейном поместье в Шотландии, или тот, у кого текли слюни, когда он ел?

Мариетта сильнее потерла висок.

– Я уверена, что он не нарочно пускал слюни. Возможно, у него какой-то физический недостаток.

Фредерик расхохотался:

– Я бы на твоем месте выбросил его из головы. По сведениям Джеффри, Филипп ухаживает за несколькими женщинами из Лондона, которые живут в удобной близости от большого дома Камберсов. Уверен, он окажется таким же непостоянным, как и большинство твоих ухажеров. Разве Генри Давеншир не обозвал тебя «холодной и бесчувственной»?

– Он был ужасным занудой. – Мариетта вздохнула. – Почему это некоторые мужчины считают необходимым оскорблять женщин, если мы не приходим в восторг от них самих и их пустяковых увлечений?

– Не обращай на них внимания, ты гораздо талантливее и вообще во всем их всех превосходишь. Итак, что ты думаешь о Дроссельмейере?

– Действительно интересный человек. Очень талантливый; я уверена, все наперебой начнут пытаться заполучить одну из его поделок, когда о них узнают.

– И к тому же дьявольски красив. – Фредерик многозначительно посмотрел на Мариетту.

Она поджала губы.

– Мне было бы интересно подольше побеседовать с ним, но на этом заканчиваются мои чувства к нему. – Она пригладила волосы.

– Я тебя обожаю, Этта, но тебе следует запретить самой укладывать волосы. Это хотя бы спасет бедняжку Салли от маминой критики. – Фредерик подошел к ней и начал перебирать ее локоны. – После такого оглушительного успеха нашего обеда, боюсь, Дроссельмейер станет новой мишенью мамы в ее непрестанных попытках тебя просватать и, конечно, самым частым гостем. Даже на отца этот человек явно произвел впечатление. Именно это тебя беспокоит? Твои морщинки с каждой минутой все глубже с тех пор, как ты сюда вошла.

Мариетта поняла, что он прав: как она ни пыталась увернуться от своей судьбы, если она продолжит двигаться по этому пути, такая судьба станет неизбежной. Ее робкие планы становились все более твердыми, как застывающая карамельная глазурь.

– Фредерик, я решила участвовать в конкурсе на поступление в Ноттингемскую балетную труппу.

Брат вздохнул:

– Ничего из этого не выйдет, Этта. Отец велел тебе прекратить танцы после Нового года. Если он что-то решил, то уже ничего нельзя изменить. А так как он платит за твои уроки, не говоря уже о платьях, костюмах и балетных туфлях… Ну, я просто не понимаю, как тебе это удастся. А я не всегда буду рядом, чтобы защитить тебя от него.

– Ты забываешь, что я уже не ребенок, Фредерик; мне не нужна твоя защита. Кроме того, я приняла твердое решение.

Фредерик подвел ее к зеркалу в золоченой раме над каминной полкой. Ее иссиня-черные волосы были уложены элегантной, низкой волной. Они встретилась глазами в зеркале, его серые глаза с ее синими; если смешать их, как краски, то получится цвет грозовых туч и туманного моря.

– Разве ты бы не предпочел следовать за своей мечтой? – тихо спросила она, рискнув затронуть ту тему, которую она избегали обсуждать.

Его руки перестали крепко сжимать ее плечи.

– Мечтать опасно, Мариетта. Мечты наполняют твою голову сказками, сладкими, как леденцы, но реальность не приносит ничего, кроме разочарования.

Мариетта опустилась в мягкое кресло цвета голубых лепестков, которое стояло у камина, купаясь в тепле, исходящем от него. Они вместе его выбирали, оно было единственной уступкой современной эстетике.

– Я с тобой не согласна. Мечты обладают силой, и когда в них веришь по-настоящему, возникает ощущение, будто на этой земле нет ничего, чего ты бы не мог добиться.

Фредерик нахмурился:

– Не иди против отца. – В его голосе звучало предостережение. – Не стоит противиться легкой жизни в роскошном доме в браке с таким человеком, как Дроссельмейер. Если тебя поймают на том, что ты не выполняешь приказы отца, ты даже представить себе не можешь, какими будут последствия.

– Я думала, что ты, как никто другой, поймешь, что легких путей осуществить свою мечту не бывает. – Мариетта пожалела о вырвавшихся словах, как только они слетели с губ, но не в ее силах было взять их обратно, как не в силах была прекратить дождь, барабанящий в окно.

Фредерик помедлил с ответом. Неловкое молчание, непривычное для них обоих, возникло между ними. Она хорошо понимала, как необычно то, что брат был ее самым близким другом и доверенным хранителем ее секретов, но такие отношения возникли между ними с самого раннего детства.

Это началось с того момента, когда Мариетта решила, что напишет письмо Пьерине Леньяни, непревзойденной балерине своего времени. Мариетта только что увидела ее на гастролях в Лондоне, когда она выполнила потрясающую серию из тридцати двух фуэте в балете «Золушка». Танец Пьерины вселил в ее сердце решимость: она тоже будет балериной. Выбрав лист лучшей бумаги, чтобы написать балерине о том, как тронуло Мариетту ее выступление, она положила рядом красивый цветок гелиотропа, тайком сорванный в саду, взяла самую любимую авторучку отца и с энтузиазмом принялась писать. К ее ужасу, кончик пера сломался. Десятилетний Фредерик взял на себя вину и понес наказание вместо нее. Она до сих пор вспоминала пятна крови и то, как нож для

вскрытия писем ударил по костяшкам пальцев брата.

– Фредерик… – начала она.

– Мы в совершенно разном положении; ты не можешь делать вид, будто знаешь, как я… – Он замолчал и хрипло откашлялся. – Ты не понимаешь своего привилегированного положения, Мариетта.

Она сжала его руку:

– Я это знаю. Мне очень жаль. Правда жаль. Я ужасное создание, и ты можешь меня презирать!

Фредерик сел рядом с ней. Похлопал ее по колену:

– Я бы никогда не смог тебя презирать.

– Я не боюсь, Фредерик. Не страдаю от бессонницы по ночам при мысли о том, что меня лишат наследства. Я бы предпочла такую судьбу необходимости выйти замуж против своей воли. Даже такой мужчина, как Дроссельмейер, меня не привлекает: неужели я должна провести остаток дней, прислуживая ему и улыбаясь и постепенно становясь тенью себя бывшей? Я бы такого не вынесла. – Мариетта говорила тихо, их особняк кишел шпионами, сплетни были ценной валютой. Неловкость Фредерика росла. Он теребил свой галстук. – Фредерик? – резко произнесла Мариетта.

– Наверное, ты не помнишь Люси Фатердейл? – спросил он. – Мы ездили на пикник вместе с ней и Джеффри прошлой весной на берег Трента.

Мариетта вспомнила аромат цветов и травы в воздухе, имбирное пиво, которое пили мужчины после гребли по реке. Она бросила шляпку на одеяло, ее ленты напоминали упавшую радугу, и нежилась на солнце. Люси, хорошенькая маленькая блондинка, рассмеялась и отбросила в сторону соломенную шляпку, заявив: «Я сомневаюсь, что несколько веснушек как-то изменят теперь ход событий!»

– Конечно я ее помню. Нареченная Джеффри, – ответила она, делая вид, будто не заметила, как пальцы Фредерика крепче сжали колено. Это была еще одна тема, которой они не касались. Хотя Мариетта знала их истинные взаимоотношения, для всех остальных Джеффри был просто компаньоном и другом Фредерика. Они познакомились, когда готовились к получению диплома, но Джеффри недавно сделал то, что от него ожидали: он обручился. Хотя брат и сестра были очень близки, Мариетта не знала, как спросить об этом, и ей не хотелось что-то у него выпытывать. – И что насчет нее?

– Ну, Джеффри мне сообщил, что ее старшая кузина, Роуз Лейкли, сбежала с мужчиной, в которого страстно влюбилась, с акробатом из странствующего цирка. Ее семья пришла в ярость и попыталась немедленно ее вернуть. Они преследовали парочку и обнаружили их в жалком убежище у самой границы с Шотландией. Ее любовника избили и бросили истекать кровью. Как я слышал, ему повезло, что он смог хотя бы снова ходить, не то что выступать в цирке.

– А Роуз? – прошептала Мариетта.

– Они опоздали, ее репутация уже погибла. Ее отец был вне себя и отдал ее под суд.

У Мариетты кровь застыла в жилах.

– Ты ведь не предполагаешь, что наш отец мог бы… – Она не смогла закончить свою мысль.

– Не буду делать вид, будто знаю, что он мог бы сделать и чего не мог бы. – Шепот Фредерика был полон гнева. – Хотя я знаю нашего отца, он не тот человек, который позволил бы усомниться в его власти. – Он провел пальцем по шраму, оставившему глубокую впадину на костяшках пальцев его правой руки. – Ты сама стала свидетельницей многих проявлений его гнева. Не зли его.

Сердце Мариетты затрепетало от страха. Она держалась за мысль об отборочном конкурсе в труппу, оберегала ее, полировала ее до блеска желанием и надеждой, пока эта мысль не засияла, как жемчужина. Теперь она чувствовала, что эта жемчужина потерялась в каком-то бездонном океане, и как его переплыть, она не знает.

Фредерик встал.

– По крайней мере, ты будешь танцевать здесь свой рождественский балет. Я все еще продолжаю подыскивать человека, который смог бы построить для тебя декорации. Деньги, или, скорее, их отсутствие, затрудняют задачу, но дай мне еще немного времени, и я уверен, что мы кого-нибудь найдем. Могу сделать тебе на память фотографии моим «Сандерсоном», если хочешь.

– О, я бы их свято хранила. Спасибо, Фредерик, – тихо ответила Мариетта.

Она сидела еще долго после того, как Фредерик ушел. Смотрела на луну, которую почти смыло с неба потоками дождя, но которая не желала отказаться от своего положения самой яркой искры в ночи. Вдохновленная ее упорством, она подошла к их старому письменному столу и написала письмо с просьбой об участии в конкурсе. Она не может быть марионеткой в своей собственной истории; она должна, по крайней мере, понять, может ли она выбрать другой путь. Потом она отыскала Салли.

– Позаботься, чтобы это письмо ушло с почтой с первыми лучами солнца. – Она вручила ей письмо.

Салли кивнула и сунула его в свой передник.

– Будет сделано, мисс.

В ту ночь Мариетте снились луны, и жемчужины, и желания, сияющие ярче, чем луны и жемчужины.

Глава 7

Близился конец ноября, и всю следующую неделю их вечера озарялись визитами Дроссельмейера.

В следующий вторник он принес коробку, завернутую в оберточную бумагу. Когда ее открыли, все увидели несколько рядов оловянных солдатиков,

лежащих на бархатной ткани. Фредерик не смог устоять, он расставил их на столе, охваченный ностальгией, и они маршировали в блестящих черных сапогах и с ничего не выражающими блестящими лицами, пока Джарвис не объявил, что подан обед. Теперь солдатики стояли в шкафу, пристально глядя на всех, словно планировали вторжение.

В среду он пришел к ним на вечернее чаепитие и подарил Теодору искусно сделанные шахматы с доской, черно-белые квадраты которой скользили и сами сбрасывали сбитые фигуры противников с доски. На этой доске Теодор и Фредерик уже несколько раз устраивали матчи, стараясь превзойти друг друга. Мариетта испытывала искушение принять участие в игре, но между ней и отцом нарастало напряжение, и она не решалась бросить ему вызов.

В четверг он прислал Иде обещанные сувениры для шкафа: пару серебряных подсвечников, механизм которых с жужжанием запускал пчел с золотыми крылышками в полет вокруг цветочных лепестков, где крепились сиреневые свечи. Когда свечи зажигали, все семья погружалась в мечты о далеком лете, а дом наполнял аромат цветущих апельсинов и абрикосовых тарталеток.

В пятницу состоялся еще один обед, во время которого Мариетта получила в подарок музыкальную шкатулку; когда крышка открывалась, все видели вальсирующую принцессу. Она была существом из легких облачков светло-голубого цвета, как яички скворца, платье из многочисленных слоев пенилось вокруг ее ног, похожее на многослойное воздушное пирожное. Если ей напевали короткую мелодию, открывалось потайное отделение для самых ценных украшений, что привело в восторг Мариетту.

Вся семья была очарована Дроссельмейером, как будто он их околдовал, и все-таки всякий раз, когда Мариетта разражалась восторженными восклицаниями при виде его чудесных изобретений, механических игрушек и красивых безделушек, она невольно представляла себе те последствия, которые могли возникнуть в результате их совместных обедов, и видела себя запертой в витрине для образцов под ярлыком, на котором ее личность определена одним словом.

«Жена».

После тяжелой репетиции адажио Розы, на которой она слишком долго простояла, балансируя на одном пуанте и по очереди опираясь на руку каждого из кавалеров Авроры, пальцы ног Мариетты распухли и сочились кровью, и больше всего ей хотелось погрузиться в горячую воду. Когда она вернулась в свою комнату, Салли вручила ей толстый кремовый конверт. Чернильный штамп на печати выдавал его происхождение.

– Я подумала, что лучше вручить это вам, мисс, – прошептала Салли, ее взгляд метался от одной стены к другой, как будто они за ней следили.

– Ты правильно подумала, спасибо, Салли. А теперь, я была бы тебе очень благодарна, если бы ты приготовила мне ванну. – Мариетта подождала, пока ее камеристка поспешно вышла в соседнюю ванную комнату, и открыла конверт. Пальцы ее дрожали, и она даже порезалась о край бумаги. Капелька крови скатилась по письму, оставляя алый след.

«Ваша заявка на участие в отборочном конкурсе на зачисление в балетную труппу Ноттингемского театра решена положительно. Просмотр претенденток состоится первого декабря в четыре часа. Просим явиться точно в назначенный час».

Мариетта закрыла глаза, чувствуя одновременно облегчение и раздражение, такое настроение превратило ее в нервную, капризную девчонку. Она понимала, что все лучше исполняет свою трудную вариацию. Настолько хорошо, что сможет замечательно выступить на этом важном просмотре. И все же, хотя ее допустили на просмотр, мисс Мери Уортерс все еще неизменно сопровождает ее повсюду, и Мариетта ни на шаг не приблизилась к возможности принять в просмотре участие. Она выучила письмо наизусть, потом сожгла его в камине, глядя на слова, исчезающие в ярком пламени, как на горящую коробку конфет. Они слишком быстро превратились в пепел. Мариетта почти ощущала вкус оставшегося дымка, и ей казалось, что ее меланхолия имеет такой же горький привкус. Она велела Салли высыпать в воду для купания полбутылки розовой соли для ванны и уже готова была раздеться, когда в дверь постучал Фредерик и окликнул ее.

Она вздохнула:

– Это не может подождать? У меня ванна налита.

– Ты сегодня прелесть, – сказал он, входя и усаживаясь в ее шезлонг, закинув одну ногу в красной туфле на колено, обтянутое брюками в тонкую полоску. Облокотился рукой в таком же полосатом рукаве о ее любимую подушку, в наволочке из вышитого вручную черного бархата и старинного шелка с кружевной каймой. Фредерик купил ей эту подушку во время прогулки по Кружевному рынку в мае, когда он увлекся идеей использовать кружево в своих картинах. Они бродили под руку по самой старой части Ноттингема, который теперь стал центром мирового производства кружева, осматривали выставочные залы и посидели за пирожными с кремом в булочной на углу. Каким далеким казался Мариетте теперь тот день! В тот же вечер Теодор позвал ее в свой кабинет и сообщил, что после завершения этого года она не будет продолжать занятия в балетной студии.

«Гарцевать по сцене – это занятие для детей; это не пристало девушке двадцати лет», – сказал он ей с убийственной категоричностью. И Мариетта очень расстроилась.

– Спасибо, Салли, можешь быть свободна. – Мариетта повернулась к брату: – Я думала, что ты сегодня допоздна задержишься в суде.

Фредерик потер лоб костяшками пальцев.

– Отец сегодня произносил особенно помпезные речи, пока я его слушал, у меня ужасно разболелась голова. Я рано ускользнул и отправился выпить с Джеффри. Я знаю, у меня нет и тени сомнения, что потом я горько об этом пожалею… – он скорчил гримасу, пресекая попытку Мариетты перебить его, – но у меня там произошла потрясающе удачная встреча.

– Рассказ об этом будет таким же длинным, как твой любимый «Потерянный рай»??[8 - «Поте2рянный рай» – эпическая поэма Джона Мильтона, впервые изданная в 1667 году в десяти книгах. В издании 1674 года книг стало 12.] – Мариетта скрестила руки на груди поверх кремового шелкового халата, ее волосы двумя волнами спускались по спине до самой талии. – Мне еще надо поесть, а пальцы на ногах кровоточат.

Фредерик осторожно покосился на ее ступни в атласных тапочках.

– Садись, мне кажется, тебе надо это услышать. – Он постукивал туфлей о колено, с энтузиазмом отбивая такт. – Ты недавно спросила меня, не знаю ли я человека, который согласится сделать декорации для твоего рождественского спектакля.

Мариетта присела на подоконник. Холод его проник сквозь шелк, и она дрожала от предчувствия.

– Означает ли это, что ты кого-то нашел?

– Я не только кого-то нашел, я нашел человека, который смастерит самые великолепные, чудесные декорации, о которых ты когда-либо мечтала. – Фредерик раскинул руки с видом мага, открывающего секрет своего фокуса.

Ее раздражение исчезло.

– Ты говоришь серьезно, Фредерик?

– Когда это я говорил несерьезно? – Он подмигнул. – Теперь у тебя будет самая прекрасная сцена во всей Англии для твоей лебединой песни. И меня заверили, что она будет даже иметь… – он сделал паузу для большего эффекта, – движущиеся части.

– О, неужели ты имеешь в виду то, о чем я думаю? – Мариетта в восторге захлопала в ладоши. – Как тебе удалось уговорить Дроссельмейера взяться за такую задачу?

– По-видимому, годы изучения тонкого искусства убеждения не прошли даром. – Фредерик усмехнулся. – Дроссельмейер стремится заполучить клиентов до того, как откроет свое новое предприятие. А все сколь-нибудь значительные жители этого города придут на наш Рождественский бал. Я просто объяснил ему, какая это будет блестящая возможность для него сделать себе рекламу. Он с готовностью согласился и даже предложил все сделать за свой счет. Он чертовски хороший изобретатель. Я уверен, что у тебя будут самые прекрасные декорации и сцена.

– Звучит замечательно. Мадам Белинская, может быть, даже улыбнется наконец-то, когда услышит эту новость, – сказала Мариетта, и Фредерик фыркнул.

– Я уже дал согласие от твоего имени, теперь иди и расслабься. – Он кивнул на облака пара, наполняющие ванную комнату ароматом роз и бергамота. – Я прикажу принести тебе еду сюда.

Когда он ушел, Мариетта разделась в ванной комнате и сняла с ног тонкие бинты. Доски пола были холодными, потом она ступила в свою ванну, стоящую на когтистых лапах, и зашипела от боли. Легла на спину, расслабилась, погружаясь. Вода окружила ее и за одну восхитительную секунду принесла освобождение от зимнего холода, пробравшего до самых костей. Закрыв глаза, она вдыхала душистый запах, отпустив мысли в свободный полет. Они перестали ей подчиняться и вернулись к адажио Розы и запретному конкурсу. Она старалась направить их в нужную сторону, придумать, как она сможет попасть на этот конкурс, но ей это не удавалось. Воспоминание о разговоре с Фредериком мешало ей сосредоточиться. Как и то, что она знала о существовании определенных заведений для дам с определенным складом ума. Она зашла в тупик. Как она сможет бороться за свою свободу, если за нее придется заплатить еще большую цену? У нее испортилось настроение.

Позднее она поела в одиночестве то, что ей принесли на серебряном подносе. Сырный пирог и масляные булочки, бисквит, пропитанный миндальным ликером, на хрустальном блюде дольки апельсина. Шелковые простыни манили ее, но сон убегал все дальше, а тревога звучала громче, чем зов сна.

День выступления все ближе, а будущее держат в руках ее родители еще крепче, чем раньше.

Если только она не найдет способ принять участие в отборочном конкурсе.

Глава 8

Проснувшись на следующее утро, Мариетта почувствовала непреодолимое желание побездельничать. Было воскресенье, занятий или репетиций в балетной школе не предвиделось. Никаких ланчей или вечерних чаепитий, в которых ее заставляли участвовать. Она набросила белый пеньюар из хлопчатобумажного тюля на ночную сорочку и потянулась, предвкушая свободный день. Под серым, как оружейный металл, небом их сад со скелетами деревьев и остовами роз и глициний выглядел безрадостным. Мимо окон плыл призрачный туман. Вдали, за аккуратно подстриженными лужайками, расстилался самый высоко ценимый в Ноттингеме пейзаж – вид на замок. «Хотя название «замок» явное преувеличение», – думала Мариетта, выходя на лужайку, так как теперь он был больше похож на живописный особняк, примостившийся на Замковой скале, а если здесь и возвышался когда-то настоящий замок, то его разрушили сотни лет назад.

Покрытая инеем трава хрустела под ботинками из мягкой козлиной кожи, и звенела песнь одинокого дрозда. Мариетта постояла, пытаясь отыскать птицу, но тут же услышала хруст шагов другого человека.

Голос Дроссельмейера в этом пустынном месте зачаровывал:

Но вдруг безлиственный провал

Шальную песнь исторг,

Стон ликованья в ней звучал,

Немыслимый восторг?[9 - Стихотворение Томаса Гарди «Дрозд в сумерках», перевод Г. Кружкова.].

– Я бы не отнесла вас к почитателям Томаса Гарди, – сказала Мариетта. – Вы не производите на меня впечатление человека, увлеченного романтизмом. – Она наконец-то заметила светлую в черных пятнышках грудку певчей птицы. Она порадовала их последней трелью, потом расправила крылья и исчезла в серебристом воздухе. Мариетта повернулась к Дроссельмейеру.

– Неужели? – Он улыбнулся, но не высказал своего мнения. – Простите, что навязываю вам свое общество. Ваша фигурка в тумане возле замка так романтична, что я почувствовал себя просто обязанным присоединиться к вам.

За спиной он сжимал в руках черные перчатки, пальто «честерфилд» из черного твида с бархатным воротником защищало от сильного холода, цилиндр явно был взят в последний момент, этот факт выдавали его растрепанные волосы.

– Буду очень рада, если вы составите мне компанию, – сказала Мариетта, оглядываясь на свой дом. Он возвышался за их спинами – внушительное георгианское каменное здание с колоннами. Она почти ожидала увидеть в одном из верхних окон мисс Уортерс, наблюдающую за ней, как будто ее дуэнья могла почуять, что Мариетта гуляет наедине с ухажером.

– Мне сообщили, что я должен создать сцену и декорации для вашей постановки балета «Спящая красавица» на ежегодном Рождественском балу. – Дроссельмейер внимательно наблюдал за Мариеттой, когда они пошли по саду дальше. Она чуть отстранилась от него, а он продолжал: – Должен признаться, я с большим нетерпением жду возможности ее увидеть.

Мариетта улыбнулась:

– Вы слишком добры. А мне не терпится взглянуть на ваши декорации сцены, я уверена, что они будут просто великолепными.

Каждый год о Рождественском бале у семьи Стелл судачил весь город, но только в этом году на нем пригласили выступить балетную студию Мариетты. Это был последний год ее занятий танцами, и, хотя обычно выступления проходили на сцене театра, Теодор быстро отверг эту идею. Тогда Мариетта убедила его, что ей было бы приличнее станцевать у них на балу, и в редкий момент сентиментальности он согласился.

Ледяные глаза Дроссельмейера не отрывались от ее лица. Мариетта постепенно поворачивала назад, к дому. Она подняла глаза на тучи, покрывающие небо над головой.

– Такая неприятная погода стоит в последние дни, – заметила она, пытаясь изменить тему беседы, ее озадачило выражение, появившееся на его лице.

Дроссельмейер ступил на каменный пол антресольного этажа возле гостиной. Он возвышался над ней, подобно башне. Легкий ветерок перебирал волосы Мариетты, струящиеся по спине: утром она оставила их распущенными, охваченная мятежным настроением. Дроссельмейер не отрывал от них глаз. Его длинные пальцы сжимались и разжимались.

– Но все мои декорации померкнут по сравнению с вами, – произнес он тоном, нежным, как шелк.

Мариетта скупо улыбнулась.

– Надеюсь, представление будет достойно высшей похвалы, – ответила она машинально, вежливые манеры ей прививали с ранних лет, и они глубоко укоренились в ней.

Дроссельмейер медленно улыбнулся в ответ, не отрывая глаз от ее лица. Мариетта ощущала его внимание, почти как физическое присутствие дикого зверя с неукротимым аппетитом. Он понизил голос:

– Должен вам сказать, что ваше недавнее предположение совершенно ошибочно. Я уже давно увлечен романтизмом. В конце концов, отчасти он возник на моей родине, «Sturm und Drung»?[10 - «Буря и натиск» – литературное течение конца XVIII века в Германии.]. – Он взял ее руку, держа в ладонях.

Мариетта попыталась проскользнуть мимо него и войти в дом, но была остановлена Дроссельмейером. У нее перехватило дыхание, и внезапная и непрошеная мысль о том, что он, возможно, сейчас сделает ей предложение, ее испугала.

– Простите, я владею немецким языком не так хорошо, как французским. Это значит «буря и честолюбие», не так ли?

Дроссельмейер придвинулся еще ближе.

– Очень близко по смыслу. Хотя «натиск» было бы правильнее. Я человек целеустремленный, мисс Стелл. Я нахожу способ овладеть тем, чего желаю.

– Как это удачно для вас. А теперь прошу вас меня простить, мне нужно заняться неотложным делом. – Мариетта заставила себя мило улыбнуться. Сад внезапно показался ей слишком большим и безлюдным, дом – слишком тихим. В каждой комнате находились слуги; почему никто из них не прошел мимо окон и не дал ей повода распрощаться?

Дроссельмейер не отпускал ее руку.

– Я надеялся, что смогу похитить еще одно мгновение вашего времени.

Она подняла на него взгляд, подыскивая слова для вежливого отказа, но тут ее будто пронзили колючие иглы, она ощутила опасность. Это новое чувство шептало ей о чем-то необъяснимом, о чем-то сверхъестественном. Она застыла, глядя в радужные оболочки его глаз, окружающие зрачки грозовой тучей, и краем глаза увидела промелькнувшую тень мышиного хвоста, исчезающего в кармане его пальто. Будто он носил маску со времени того первого обеда, и теперь она чуть приоткрылась. Этого мгновения хватило, чтобы заметить под ней нечто другое. Все ее чувства обострились, дрожь пробежала по спине.

– Кто вы? – прошептала она, не успев подумать.

Дроссельмейер вздрогнул и выпустил ее руку. Маска приятного и учтивого собеседника снова вернулась на место. Это внезапное превращение привело Мариетту в чувство, и она покачала головой.

– Простите меня, я очень устала из-за репетиций, – сказала она с легким смешком, стараясь сгладить острые углы их разговора, хотя сердце все еще стремительно билось в груди, как у воробышка.

– Мне нечего прощать, – непринужденно ответил Дроссельмейер. – Я получу большое удовольствие, когда увижу результат вашего прилежания. Когда буду смотреть на вас. – Он задержал руку на ее пояснице, делая вид, будто подталкивает ее ко входу в дом. Мариетту охватила еще большая неловкость, когда она почувствовала, как он намотал на палец прядку ее волос.

Мариетта поднялась наверх в их с Фредериком общую гостиную. Она все еще чувствовала прикосновение Дроссельмейера, липкое, как сладкая желейная конфета. Когда она открыла дверь, Фредерик и Джеффри поспешно замолчали.

– Извините, я не собиралась вам мешать. – Мариетта хотела уйти.

– Чепуха, нет необходимости уходить из-за нас, – возразил Фредерик, наливая бренди из графина в два бокала и подавая один Джеффри, который внимательно смотрел на Мариетту.

– Уверена, что вы бы предпочли остаться наедине, – сказала Мариетта, она понимала, что эти двое остаются наедине друг с другом реже, чем им бы хотелось.

– С тобой все в порядке? – спросил Джеффри. – Ты, кажется, не в духе, может, тебе лучше немного отдохнуть?

Неудивительно, что Джеффри привлекал внимание многих дам до своей помолвки: черноволосый, кудрявый, с золотисто-смуглой кожей, острыми скулами и полными губами. Жилет из золотой парчи поверх белой сорочки и алый галстук только прибавляли ему привлекательности, и Виктория была в числе тех, кто был очень разочарован, когда узнала, что он теперь помолвлен. Фредерик вел подсчет таким дамам, его это забавляло.

Мариетта села в кресло с подголовником. Изумрудный бархат на нем уже вытерся, но ее платье из французского кашемира цвета сливового чая было плотным и мягким, а ноги защищало множество нижних юбок.

– Меня подстерег доктор Дроссельмейер во время прогулки по саду, – сказала она, взглянув на Фредерика. – Он вызвал у меня очень странное чувство. И теперь я невольно гадаю, кто он такой и откуда приехал. Почему он отказывается говорить о том, что с ним было до приезда в Ноттингем?

Фредерик нахмурился. Он облокотился о камин; мерцающий в камине огонь превратил его бренди в золотистый шелк.

– Как занимательно; уже давно у нас не случалось приличного скандала, о котором можно посудачить, – заметил Джеффри, нежно глядя на Фредерика. Он взял графин со столика из орехового дерева и налил себе второй бокал. – Расскажи нам, что именно произошло, и не жалей подробностей.

Мариетта рассказала им о встрече в саду. Она покраснела, описывая, как Дроссельмейер схватил ее за руку, заставив продолжать разговор. Как он прикасался к ней без разрешения. Это было слишком, вспоминать и ощущать эти конфетно-липкие прикосновения, и она прижала пальцы к губам.

Фредерик потер углубившуюся морщину между бровями.

– Серьезно, Мариетта, ты позволяешь своему воображению придумывать всякие фантазии. Возможно, этот человек просто ценит свое личное пространство, и он имеет на это полное право. Он не обязан давать нам подробный отчет о своей жизни, и он не становится гнусной личностью только потому, что ничего о себе не рассказывает.

– Я тебе говорю, Фредерик, что-то в нем есть такое. Будто он тот самый волк в овечьей шкуре из пословицы. Я просто чувствую, что он плохой человек, и меня это тревожит.

– Помнишь, как наша няня читала нам сказки перед тем, как уложить спать? – спросил Фредерик.

Мариетта озадаченно посмотрела на него:

– Да, и что с того?

Их няня было заботливой пожилой женщиной, и у нее была самая прекрасная книжка волшебных сказок, которые она читала детям перед сном. Сказки о феях и эльфах, речных нимфах и духах, которые раскрашивают рассвет фиолетовыми кисточками из лепестков, летают над реками на спинах мотыльков и танцуют в последних лучах звездного света. Сны Мариетты были полны мечтами, она пускалась в бесконечные путешествия на поиски волшебного мира этих созданий, убежденная, что глубоко под скучным налетом повседневной жизни скрывается сверкающий мир чудес.

Фредерик рассмеялся:

– Ты так увлекалась идеей найти этих неуловимых фей в глубине нашего сада, что изорвала подолы всех платьев и испачкала свои лучшие атласные туфельки

во время поисков, пока отец не запретил эти сказки на ночь.

– Он усадил меня перед собой и сообщил, что эти истории съедают мою логику, – вслух вспомнила Мариетта. – И только через некоторое время я поняла, что он не имел в виду – буквально съедают. Все эти годы я представляла себе, как сказки грызут мой мозг, как вредители, питаются старыми воспоминаниями и фактами, будто только они и помещаются в моей голове. – Она криво усмехнулась.

– Ты действительно склонна давать волю своему буйному воображению, – произнес Фредерик более мягким тоном. – Но Дроссельмейер порядочный и умный человек; у тебя нет причин дурно о нем думать. – Он ослабил свой изумрудный галстук и сел рядом с Джеффри, который положил руку ему на ногу. Оба молодых человека чувствовали себя свободно в обществе Мариетты, так как она уже знала об их отношениях, и она радовалась, видя этому подтверждение.

Мариетта посмотрела на возлюбленного брата.

– А ты, Джеффри? Ты разделяешь мнение Фредерика?

– Прости, старушка, разделяю. Скорее похоже, что доктор пытается собраться с духом и сделать тебе предложение.

Фредерик раскинул руки подобно артисту, который требует одобрения публики. Маргарита одарила его холодным взглядом.

– Ты помнишь, как учил меня играть в шахматы?

Фредерик усмехнулся:

– Конечно. Я до сих пор утверждаю, что я отличный учитель; ты до сих пор играешь как одержимая.

– Только после того, как я овладела стратегией игры. Когда я в первый раз села за доску и увидела множество фигур и ходов в игре, ты учил меня следовать своим инстинктам. Это самый мудрый совет, который ты мне когда-либо давал.

– В таких играх – да. Ты склонна слишком долго думать. Но в делах с мужчинами ты слишком наивна.

Его предательство сильно задело ее.

– В таком случае я вас оставлю предаваться возлияниям, – сказала Мариетта, поднимаясь.

– Если бы у него были нечестные намерения, я бы первый встал на твою защиту, Этта, – сказал Фредерик уже мягче. – Мне просто кажется, что этот человек тобой заинтересовался. Прояви к нему немного сочувствия; не всегда легко быть смелым в сердечных делах.

Глава 9

– Салли, ты не видела мисс Уортерс сегодня днем?

– Вы только что разминулись с ней, мисс. Она взяла карету и велела отвезти ее в город за покупками.

Мариетта спустилась вниз. Фредерик стоял в холле и теребил серебряные запонки, которыми камердинер закрепил манжеты.

– Фредерик, ты не сможешь отвезти меня в балетную студию? Кажется, мисс Уортерс забыла о своих обязанностях, и я боюсь, что сильно опоздаю.

– Прости, Этта. Я как раз еду на встречу с Джеффри, поиграть в бильярд в клубе. Почему бы тебе не попросить маму?

Мариетта с укором взглянула на него.

– Ты нарочно ведешь себя так несносно? Ты же знаешь, как мама относится к балету. Кроме того, она едет в гости к подруге. – Она еще не простила Фредерика за то, что он назвал ее «болезненно наивной» несколько дней назад.

Фредерик пожал плечами:

– Похоже, тебе придется пропустит этот урок. – Лакей подал ему зимнее пальто, и он поспешно сбежал по лестнице к парадной двери, у которой его ждал их шофер с автомобилем. Тем самым, который был так необходим сейчас Мариетте. Она тяжело вздохнула, чтобы подавить раздражение. Мариетта продрогла до костей, стоя не верхней ступеньке лестницы. Хотя было еще рано, зимний день уже померк и опустились сумерки. Небо окрасилось пятнами винного цвета, края облаков стали лилово-красными.

Джарвис закрыл за ней парадную дверь, чтобы сохранить тепло. Водитель Карлтон завел двигатель, и машина проехала мимо нее. Фредерик высунул голову из окна, поравнявшись с ней, и весело помахал рукой. Мариетта почувствовала обиду. Она не могла позволить себе пропустить репетицию, ведь ей доверили главную роль. Роль, в которой она должна была достичь совершенства для выступления на предстоящем конкурсе. Если бы только воззрения отца не были такими смехотворно старомодными!.. Ее взгляд упал на автомобиль, красующийся на подъездной дорожке чуть дальше.

«Роллс-Ройс?10» фирмы «Паккард» принадлежал Теодору. Двухцилиндровый, имеющий огромную мощность в 10 лошадиных сил, этот «Роллс-Ройс» Теодор считал самой дорогой собственностью, и даже шоферу не разрешалось его водить. Это удовольствие принадлежало только одному Теодору. Мариетта оглянулась на дом за своей спиной. Шторы были задернуты из-за рано наступившей темноты, его обитатели занимались своими делами или находились вне спящего дома.

Натянув кожаные перчатки, Мариетта зашагала к «Роллс-Ройсу», прерывисто дыша. Подумав несколько минут, она включила двигатель. Когда он зажужжал и ожил, она скользнула на место водителя, пораженная собственной смелостью.

Несмотря на свои огромные размеры, белый автомобиль легко слушался руля и точно выполнял все команды. Мариетта улыбнулась и погладила руль, а машина замурлыкала и гордо двинулась вперед. Она стартовала быстрее и более плавно, чем старый «Ровер», на котором она училась вождению. Мариетта выехала из кованых ворот и проехала по поместью, никем не замеченная.

– Спасибо, Фредди, – прошептала она.

Два года назад она настояла, чтобы он научил ее водить автомобиль, тайком от всех, вопреки желанию отца. День выдался ясный и погожий, осень шуршала хрупкими опавшими листьями. Волосы Мариетты развевались у нее за спиной, когда она мчалась по окольным дорогам их загородного поместья на скорости больше двадцати миль в час по сельской местности, ярко-рыжей, как лисий хвост.

Она миновала многочисленные роскошные особняки, замок, помчалась через центр города, когда ночь уже со вздохом опустилась на землю. Купол ратуши казался темной скорлупой, последние уличные фонарщики брели мимо древних островерхих церквей и современных универмагов, и фонари оживали и вспыхивали один за другим. И всюду ощущался праздник. Из церковных дверей лились звуки рождественских песнопений, на тележках жарились каштаны, дети прижимались носами к витринам магазинов игрушек. Завтра уже наступит декабрь. Мариетта окинула взглядом улицу, опьяненная внезапной свободой. Женщина, одетая в вечерние шелка, бросила на нее косой взгляд, когда она проезжала мимо.

– Какой скандальный поступок с моей стороны! – крикнула ей Мариетта, у нее кружилась голова от собственной смелости.

– «Спящая красавица» – это первый истинно русский балет. – Мадам Белинская расхаживала перед ученицами. На ее шее висел кулон с одним-единственным изумрудом в форме яйца, этот тяжелый камень раскачивался на ее пурпурном платье из шифона подобно маятнику. Изумруд опутывала тонкая паутина из бриллиантов, и Мариетта уже слышала несколько вариантов истории этого бесценного камня. Время от времени мягкий стук трости мадам, корректирующей положение ног, рук, бедер и спин, прерывал ее монолог. Мариетта, стоя у балетного станка, делала круговые взмахи правой ногой, касаясь пола кончиками пальцев, и весь класс выполнял эти движения синхронно. – Танцуя балет, вы проноситесь в танце по истории и погружаетесь в искусство. Оно пропитано культурой, и поэтому вы должны понимать, что привело вас к этой точке, где раньше танцевали этот танец, и что он изображает. В «Спящей красавице» мы видим, что балет отходит от парижской школы и открывает для себя двор русских царей со времен Петра Великого, его правила, сложные, как начинка яйца Фаберже. Целый мир, содержащийся в усыпанной драгоценными камнями оболочке. – Ее рука взлетела к изумрудной подвеске, и Мариетта еще раз подумала о загадке ее происхождения.

Мадам Белинская много раз произносила эту речь во время репетиций, и с каждым повторением Мариетта чувствовала, как ее слова все глубже проникают в душу. Иногда по ночам ей снилось, что она стала крошечной фарфоровой куколкой, танцующей внутри яйца Фаберже. В этих снах она танцевала под музыку настолько древнюю, что у нее уже не было названия, а в ее сердце пылал жаркий огонь, яркий, как звезда. После таких снов утренний кофе в чашке из севрского фарфора имел горький привкус, дни казались более скучными, небо – более серым и покрытым тучами.

Трость мадам Белинской стукнула по доскам пола.

– Гран-батман, леди.

Балерины одновременно повернулись лицом к зеркалам, поставили ступни ног в пятую позицию, плавно вытянули руки в стороны и выбросили правые ноги вверх перед собой. Стоящая перед Марие́ттой Харриет поднимала ногу на невероятную высоту. Мариетта старалась поднять ногу все выше, пока нога не запротестовала от такого напряжения. Она бросила взгляд на окна, но на улице было слишком темно, и она не могла ничего различить дальше универмага, рядом с которым оставила автомобиль, прежде чем умчалась в студию с неэлегантной быстротой.

– Виктория, – позвала мадам Белинская, – покажите нам еще раз вариацию Синей птицы.

– Мне очень хочется, чтобы среди нас были и танцовщики-мужчины, – сказала Виктория с жалобным вздохом, неискренним, как и большинство манерных ужимок дам из высшего общества. – Мне так хочется исполнить коду принцессы Флорины так, чтобы не приходилось исполнять все эти па-де-де одной. Представьте только, если бы у нас была труппа танцовщиков, которые поднимали бы нас вверх, как бы высоко мы воспарили. Тогда я бы чувствовала себя так, словно лечу через всю сцену.

– Сейчас не семидесятые годы, а ты не прима Ла Скалы, – сказала Харриет, когда Виктория проходила мимо нее. – Не теряй надежды, в балетной труппе театра есть мужчины. – Харриет рассмеялась. – Уверена, что ты очень скоро получишь свои крылья.

Виктория ответила ей кокетливой улыбкой и приняла начальную позу, готовая ожить и запорхать, как Синяя птица.

У Мариетты сжалось сердце. Ей позволили посещать уроки балета после того, как удостоверились, что мадам Белинская строго придерживается политики учить только женщин. Легкомысленные восклицания Харриет напомнили ей, что родители никогда не позволили бы оказаться на сцене в мужских объятиях. Но как же она сможет стать великой, разве можно надеяться получить признание своего таланта среди таких балерин, как Анна Павлова, если она похоронит свое мастерство в рамках одной студии? Снова у нее промелькнул образ куклы, танцующей внутри усыпанного драгоценными камнями яйца, покрытой пылью и всеми забытой. Она содрогнулась и снова сосредоточилась на легких ножках Виктории, которые передавали полет Синей птицы поразительно быстрыми движениями. Желудок у Мариетты сжался в тугой комок тревоги, пока она смотрела на работу множества блестящих талантов во время репетиции. Она невольно опасалась, что, даже если рискнет пойти на конкурс, она все равно не станет одной из балерин труппы театра. В каждой из ее соперниц горела искра надежды не менее яркая, чем у нее. Все они представляли собой тысячу нерассказанных историй, и она не единственная балерина с острыми, как кинжалы, амбициями.

На обратном пути домой после занятий ее тревога превратилась в темную тучу ужаса. Когда она въехала на подъездную дорожку, лучи ее фар осветили Карлтона, который ходил взад и вперед. Значит, Фредерик вернулся раньше ее. На лице шофера отразилось облегчение, когда она остановила машину. Мариетта вышла из «Роллс-Ройса» и зашагала к нему. Его покрасневшие нос и щеки свидетельствовали о долгом ожидании на холоде.

– Я бы хотела, Карлтон, чтобы вы никому не рассказывали о моей маленькой поездке, – непринужденно произнесла она.

Выражение облегчения исчезло с его лица. Кустистые брови сдвинулись.

– Хозяин ждет от меня полного отчета о моих поездках, мисс.

– Может быть, вам удастся умолчать об этой поездке. – Мариетта сунула руку в перчатке в складки платья и достала пару крон.

– Ладно, мисс, – сказал шофер, взял монеты и осторожно огляделся вокруг, потом коротко кивнул и удалился.

И все-таки Мариетта чувствовала беспокойство, прокрадываясь в дом и поднимаясь в свою спальню. Салли явилась быстро и переодела ее в бирюзовое платье с мягкими рукавами, ниспадающими с плеч, и с вышивкой по вороту жемчужными бусинами. Длинные нити бус из жемчуга спускались по корсажу, а мягкие перчатки до локтей кремового цвета завершали ансамбль. Салли уложила ее волосы мягкой волной на одно плечо и заколола сзади гребнем с сапфирами.

– Вы очень хорошо выглядите, мисс, – сказала Салли, подавая ей одну за другой длинные серебряные серьги с жемчугом. – Теперь вам лучше поторопиться, отец хочет переговорить с вами перед обедом.

Рука Мариетты замерла.

– Он, случайно, не сказал о чем?

– Мне очень жаль, мисс. – Салли покачала головой, встретившись с Мариеттой взглядом в зеркале. – Он ждет вас в библиотеке. – Салли теребила пальцами передник. Мариетта скупо улыбнулась ей и пошла вниз. Скользя рукой в перчатке по полированным перилам, она держала осанку, как щит.

В библиотеке стоял запах портвейна и хрупких от старости книжных страниц. Книжные шкафы из красного дерева выстроились вдоль стен подобно солдатам, зеленые кожаные кресла сгрудились вокруг низкого стола, на котором стоял графин с выдержанным красным вином, шахматная доска Дроссельмейера и коробка для сигар. В стеклянных витринах по краям комнаты, куда почти не доходил свет, были выставлены ценные табакерки, исторический молоток судьи, выигранный Теодором на аукционе, редкие издания книг Диккенса и старые карты их загородного поместья с загнутыми краями. В одном углу сгрудились папоротники, напоминая джунгли, попавшие сюда каким-то чудом. В камине горел огонь, тени играли на темно-красных обоях и плясали на турецком ковре, поверх которого лежала шкура льва. Когда Мариетта была маленькой, она садилась верхом на этого мертвого зверя, а ковер в ее воображении превращался в африканскую равнину.

Именно Теодор убеждал ее в ценности отличного образования.

– Аристотель когда-то сказал, что «энергия ума – это суть жизни», – говорил Теодор маленькой, украшенной бантиками Мариетте. – Позаботься о том, чтобы твоя энергия ума не пропала зря. – С этими словами он вручил ей книгу «Большие надежды», и только много позже Мариетта оценила скрытую в этом иронию.

Мариетта перешагнула через голову льва с тусклыми глазами и позволила себе сесть напротив отца, читающего газету.

– Сегодня вечером слуги сообщили мне, что моя собственная дочь стала воровкой.

– Я только позаимствовала автомобиль, он мне был необходим, чтобы…

Теодор отшвырнул газету. Мариетта вздрогнула, опустила глаза. Заголовки кричали на нее с хрустящей бумаги – он заставлял камердинера гладить газеты утюгом, чтобы не испачкать пальцы чернилами.

«Арестованные суфражистки объявили голодовку! Новая линия лондонского метро открылась сегодня! Принят закон о компенсации рабочим!»

– И что ты к тому же дала взятку шоферу. Меня возмущает твое сегодняшнее безнравственное поведение. Несколько знакомых твоей матери прислали ей письма, в которых сообщали о твоей шокирующей поездке по центру Ноттингема. Она совершенно убита. Полагаю, твой чертов братец научил тебя водить машину. Я с ним поговорю.

Мариетта хранила молчание.

– Я никак не могу понять, что за мысли у тебя в голове. Ты проявила полное безразличие и к своей собственной репутации, и к нашей, не говоря уже о попытке самой управлять таким автомобилем. Если бы твои действия не были

столь возмутительными и непродуманными, я мог бы тобой восхищаться. Ты обладаешь острым умом и немалыми способностями выстраивать стратегию, унаследованными от меня. Из тебя выйдет прекрасная хозяйка дома для будущего мужа.

Он начинал отвлекаться. Мариетта понимала, что ей следует продолжать молчать; возражения только вызовут у него еще большее раздражение и раздуют пламя спора. Но по коже бежали мурашки, мнение Теодора о ней возмущало. Она подняла голову и посмотрела ему в глаза:

– Я достойна большего.

Теодор поднял палец, этот знак предостережения она хорошо помнила с того времени, когда была подростком.

– Не испытывай меня. Я и так уже страшно разочарован твоими сегодняшними поступками.

Мариетта вспыхнула от негодования.

– Теперь женщины поступают в университеты, – сказала она. – Некоторые из нас могут иметь свою собственность, учиться на врачей, и скоро, в ближайшем будущем, мы получим право голоса на выборах. Для всех женщин. Независимо от класса и цвета кожи. Твои взгляды устарели. Они больше подходят для того, чтобы стать экспонатами твоей коллекции, чем для нашего времени. – Она показала на стеклянные витрины.

Лоб Теодора покрылся морщинами от потрясения. Собирались тучи перед бурей. В его голосе зазвучал металл.

– Я не допущу, чтобы моя дочь так со мной разговаривала, я ясно выражаюсь? Я не потерплю такой дерзости.

Мариетта поднялась.

– Ты забываешься, отец. Я уже не ребенок. – Она вышла из библиотеки медленным, размеренным шагом. И только после того, как закрыла за собой

тяжелую дверь, она на несколько секунд закрыла глаза, тяжело дыша.

В тот вечер Мариетта вызвала слугу и приказала принести ей кофейник с кофе. Его принесли вместе с ломтиком бисквита с кремом и ее любимой чашкой из севрского фарфора, расписанной вручную золотом и берлинской лазурью. Она сидела на шелковых простынях и наливала себе одну чашку за другой, до поздней ночи, погрузившись в мысли при свете одной свечи. У нее начал созревать план. Если она устроит так, чтобы оказаться в центре города в подходящий момент, то наверняка сможет избежать пристального внимания и попасть на конкурс. Она подошла к своему туалетному столику и открыла шкатулку с драгоценностями. Пусть она не принадлежит к женщинам со своими собственными деньгами, но средства у нее есть. Она провела пальцем по сверкающим бриллиантам, прикидывая их стоимость.

В окно она видела газовые фонари, освещающие улицу. На горизонте сгущались тучи. Когда Мариетта посмотрела на них, ей показалось, что она перенеслась в какую-то далекую страну, где вдали возвышаются горные цепи с высокими заснеженными вершинами. Мадам Белинская рассказывала о таких пейзажах континентальной Европы, где она гастролировала, когда танцевала на сценах крупных городов. Мариетту охватило страстное, честолюбивое желание, такое сильное, что оно могло разорвать мир на две части. Она дала себе молчаливую клятву рискнуть: планы, которые она придумала за кофе, при свече, стоят того.

Глава 10

Ноттингем встречал Рождество с размахом. Когда наступило первое декабря, открылся зимний базар, расплескавший мигающие огоньки и праздничное веселье площади Старого города по окрестным улицам. Такое событие выманило старых и молодых, богатых и бедных из домов на вечерний холод. Воздух наполнили ароматы замерзших имбирных пряников, леденцов и подогретого вина. Праздничное веселье начиналось от Лонг-Роу и Чипсайда и достигало кульминации в центре площади, где сверкала электрическими гирляндами гигантская норвежская ель.

– Двух часов будет вполне достаточно. Спасибо, Джеймсон, – сказала Мариетта, указывая рукой на обширный фасад универмага «Гриффин и Сполдинг», шесть этажей которого возвышались над ней и мисс Уортерс.

– Слушаюсь, мисс. – Он надвинул шляпу и залез на свое место кучера, его черно-белая ливрея слилась с каретой.

Она наблюдала, как пара коней кофейной масти прокладывает дорогу через толпу Рождественского базара, бурлящую под слабым вечерним солнцем. Мариетта собиралась с духом перед тем, как начать плести паутину лжи, которую намеревалась сделать сладкой, как сахар. Приближался час ее выступления на конкурсе. Она крепко держала свой бисерный ридикюль, в шелковой итальянской сумке лежали балетные пуанты и платье, свернутое в тугой рулон.

– Я все же не могу понять, почему нам было так уж необходимо отправиться за покупками именно сегодня. – Мисс Уортерс сопроводила свои слова неодобрительным фырканьем. Ее маленькие, как у жука, глазки оглядывали площадь. – В это время года в городе такая толчея.

– Я думаю, что базар просто волшебный. – Мариетта сделала восторженные глаза. – О, вон тот торговец продает такие милые коробочки с марципаном. Я просто должна купить такую для рождественского чулка Фредерика.

Мисс Уортерс с сомнением посмотрела на лабиринт прилавков и бурлящую толпу. Продавцы громко расхваливали свои товары, покупатели толпились у прилавков, над тележками с жаровнями поднимался дым.

– Я не уверена, что это место подходит для…

– Чепуха, – твердо произнесла Мариетта, рассчитывая на скупость компаньонки. – Почему бы вам не заказать себе что-нибудь в кафе, а я вскоре зайду туда за вами. Нет никакой необходимости нам обеим нырять в эту безумную толпу.

Мисс Уортерс пригладила выцветшие розы на своей шляпке цвета фуксии.

– Должна признаться, что такая низкая температура мне совсем не по душе. Возможно, глоток чая будет мне полезен.

– Не надо торопиться, – посоветовал ей Мариетта. – Возможно, я поброжу по базару, чтобы посмотреть, какие еще сладости можно положить в рождественские чулки. – Она упорхнула в сверкающий хаос раньше, чем мисс Уортерс успела ей возразить. Постояв у одного прилавка, Мариетта оглянулась и увидела, как компаньонка исчезла в фойе универмага, смешавшись с толпой других покупателей в нарядных зимних пальто и шляпах. Чувство вины смыло волной ощущения собственного могущества; сегодня она держала будущее в своих собственных руках. Потом она быстро зашагала в противоположном направлении.

Она прошла по Рыночной улице, перешла на другую сторону и попала на Верхнюю Парламентскую. Несколько драгоценных секунд она потеряла, пока разглядывала гордое здание, сияющее огнями перед ней. Королевский театр. Элегантный портик и шесть его коринфских колонн поддерживали груз всей культурной жизни города. Мариетта расправила плечи и вошла в здание. Ее проводила в тыльную часть театра чопорная дама, которая растерянно посмотрела на дорогую ткань, из которой было сшито ее пальто. Не обращая на нее внимания, Мариетта заняла пустую гримерную и сняла светлое, розовато-лиловое бархатное платье. Его плотная материя и зимнее пальто позволили Мариетте незаметно сбежать из дома без корсета. Сейчас она этому радовалась, так как здесь не было никого, кто помог бы ей его снять. Разговоры и сплетни других участниц конкурсного просмотра доносились сквозь тонкие стенки, и Мариетта впервые почувствовала, что нервничает.

Прежде чем часы пробили четыре, она уже ожидала в кулисах и окунула пуанты в канифоль, чтобы они не скользили на сцене. Женщина, которая выступала перед ней, танцевала как богиня. Ее ноги и руки ласкали воздух, она исполняла последние пируэты с воздушной грацией летящей птицы. Члены жюри ничего ей не сказали, не считая отрывистой короткой фразы: «Спасибо, в свое время мы сообщим вам наше решение», и женщина кивнула. Когда она прошла по сцене и миновала Мариетту, та увидела, что ее шея и руки блестят от пота, что мгновенно развеяло ее иллюзии.

– Мисс Мариетта Стелл.

Она вышла на сцену. Четыре яруса пустых кресел уставились на нее из зала, ожидая. С двух сторон от нее возвышалось по колонне, сверху спускался занавес, электрические люстры заливали ярким светом и обдавали жаром ее лицо. Трое членов жюри должны были смотреть ее танец. Строгое, высокомерное выражение их лиц никак не могло успокоить нервы Мариетты. Две женщины, такие величественные, что могли бы соперничать даже с мадам Белинской, и мужчина, чей наряд позволял предположить, что он только что явился с Бонд-стрит. Он поднес к глазу монокль и посмотрел в него на Мариетту.

– Фрагмент адажио Розы, вариация соло. О, это амбициозный отрывок. Надеюсь, вы приняли верное решение, адаптировав хореографию Мариуса Петипа для сольного танца, и не разочаруете нас. – Он щелкнул пальцами, делая знак неполному составу оркестра, и они начали играть.

Нервы Мариетты превратились в зверя с зубами и когтями. Ее поразил внезапный паралич, из-за чего она на полтакта отстала от музыки, звучащей в театре. Но наступил долгожданный момент. Единственный шанс, которого она ждала, на который надеялась и за который боролась. Мир куда-то ускользнул, и не осталось ничего, кроме Мариетты и сцены, на которой она стояла. И поэтому она начала танцевать, вдыхая жизнь в Аврору, даря принцессе свой голос.

На этот раз юную принцессу не поддерживал по очереди каждый из четырех ее женихов, сменяя друг друга в непрерывном танце. Нет, Мариетта заново создавала ее историю, выполняла пируэты, выражая свою собственную свободную волю на сцене, чередуя аттитюды и арабески без поддержки партнеров. Танец уносил ее все выше, музыка смягчилась и превратилась в нежное прикосновение, и она летела вместе с ней, подгоняемая сильной, вздымающейся медной волной к вершине, к той высшей точке, к которой она стремилась, к высокому одинокому арабеску на пуанте. Этот момент постепенно приближался, пока не наступил на взлете музыкальной волны, которая подняла ввысь ее душу, полную томления. Одна нога высоко взлетела у нее за спиной, опорная нога подняла ее к небу, руки вытянулись вперед. Мариетта замерла в этой позе, подняв лицо к жюри и к воображаемым зрителям.

А там, в самом последнем ряду еще недавно пустых кресел, стоящих в тени, сидел Дроссельмейер. Однако он не мог скрыть свои серебряные волосы, сияющие подобно маяку. Даже на таком расстоянии Мариетта видела его взгляд, прикованный к ней. «Как он узнал?» На драгоценную долю секунды Мариетта потеряла сосредоточенность и покачнулась. С большим трудом ей

удалось сохранить неустойчивое равновесие. Затем музыка подошла к концу, она сделала пируэт, но потеряла контроль над собственными ногами, они будто двигались помимо ее воли. Она потеряла равновесие и сорвала пируэт, пытаясь замаскировать это импровизированным скольжением через сцену с последними звуками музыки. Мариетта оторвала взгляд от Дроссельмейера и взглянула на жюри. Они смотрели остекленевшими глазами, и она не поняла, заметили ли они ее промах или слишком устали после долгого дня репетиций и не обратили внимания. В любом случае Дроссельмейер отвлек ее и погасил то, ради чего она вложила всю душу в танец: стремление при помощи балета отправиться в полет.

Стать созданием с прозрачными крылышками, лететь вместе с серебристым ветром, легко и свободно. Она тихо ахнула. Ярусы кресел снова были пустыми. Возможно, его присутствие ей только почудилось и ее собственное воображение отравило ядом ее мозг. Нет. Она услышала, как в самой глубине театра захлопнулась дверь. Горло Мариетты стиснул страх. С какой целью он решил присутствовать на ее выступлении на конкурсе и, что еще важнее, как он узнал о нем? Несмотря на то что Фредерик поспешил рассеять ее подозрения после их прогулки по саду, она поняла, что в этом человеке есть нечто странное, а сегодняшнее событие казалось еще более угрожающим.

Одна из женщин прочистила горло.

– Спасибо, мы сообщим вам о нашем решении в должное время, – сказала она без всякого выражения, точно так же, как и предыдущей танцовщице.

Пытаясь подавить отчаяние, которое грозило задушить ее, Мариетта наклонила голову и ушла со сцены. Она снова переоделась в бархатное платье, надела темно-красную зимнюю шапочку и такого же цвета пальто и с опаской вышла на оживленные улицы. Каждую минуту она быстро оглядывалась, чтобы убедиться, что среди джентльменов в цилиндрах в толпе нет Дроссельмейера. Быстро надвигались сумерки, и у нее почти не осталось времени на выполнение своей второй задачи на этот день.

В спешке она чуть было не столкнулась с Викторией, идущей по улице в бордовом вечернем платье и такого же цвета пальто под ручку с Харриет, одетой в шелковое светло-коричневое платье и кремовое пальто, отороченное мехом.

– Мариетта? – Виктория нахмурилась. – Что ты делала в театре? – Быстро оглядев улицу, она подошла ближе и прошептала: – Ты участвуешь в отборочном конкурсе?

Мариетта вздохнула про себя. Шанс столкнуться со знакомыми был невелик, и все же одно-единственное слово могло ее погубить.

– Это был мимолетный каприз. Ошибка, – ответила она, бросая взгляд на Харриет. – Я буду вам признательна, если вы никому об этом не расскажете.

– О, мы бы никогда так не поступили! – воскликнула Виктория. – Хотя я уверена, что это не было ошибкой.

Харриет ничего не сказала, но ее взгляд говорил о том, что она обо всем догадалась.

Мариетта подумала о том, что все было бы иначе, если бы эти две девушки были ее близкими подругами. Возможно, их доверие и симпатия облегчили бы ее жизнь, беседы с ними скрасили бы ее дни. Ее вдруг пронзило сожаление о том, что могло бы быть, но не случилось.

– Наслаждайтесь своей совместной прогулкой. Боюсь, мне надо бежать: мисс Уортерс ждет меня в кафетерии. – Мариетта улыбнулась и ушла.

В отличие от других леди ее круга, поглощавших роман Эдит Уортон?[11 - Американская писательница и дизайнер конца XIX – начала XX века, лауреат Пулитцеровской премии.], словно заманчивое подношение колонки сплетен, Мариетта считала его поучительной сказкой. Разрываясь между жалостью к попавшей в ловушку Лили Барт и разочарованием из-за ее попустительства и саморазрушения, Мариетта решила, что никогда не станет такой зависимой и жадной. Поэтому сейчас она стояла под потускневшей вывеской «Ломбард». Она собралась с духом, готовясь к тому небольшому унижению, с которым ей, несомненно, придется столкнуться, и вошла в лавку, с тяжелым стыдом и бриллиантовой брошью от «Картье» в кармане. Она была не такой наивной, как могли подумать некоторые, и понимала, что если она хочет быть независимой и идти против воли родителей, то для этого потребуется нечто большее, чем решимость: ей необходимы деньги. Хотя тихий голос в ее голове нашептывал,

что они ей никогда не потребуются после такого провального выступления на конкурсе.

– Я дам вам за нее двадцать фунтов, – сказал стоящий за прилавком мужчина и положил свое увеличительное стекло. Примерно тех же лет, что и Теодор, но с таким морщинистым и красным лицом, что Мариетта не была уверена в том, что верно определила его возраст. Жизнь не была добра к нему. Темную лавку освещали газовые лампы, нуждающиеся в том, чтобы их хорошенько помыли. На прилавке стояла бутылка джина «Синие руины». Он придавал кислый запах дыханию мужчины.

– Я соглашусь не меньше чем на пятьдесят фунтов, – ответила Мариетта.

Тот заворчал:

– Она стоит не больше тридцати, и я уверен, что мне будет не так-то просто ее продать. Никто из моих покупателей не купит такую необычную дешевую безделушку, скажу я вам.

Полки были полны простыми побрякушками и менее красивыми аксессуарами, это правда, но Мариетта уже заметила золотую цепочку для карманных часов, свисающую из ящика стола по другую сторону от прилавка, а за ним запертую на висячий замок заднюю комнату. Она вопросительно вздернула бровь.

– Сорок пять, или я найду другого покупателя. Не совершайте ошибку, принимая меня за дурочку.

– Сорок.

Мариетта потянулась за брошью от «Картье». В оправе из платины два банта, усыпанных бриллиантами, держали бриллиантовый цветок такой тонкой работы, что он казался сделанным из шантильского кружева. Он словно подмигивал ей в тусклом освещении, и Мариетта отвела взгляд. Эту брошь подарил ей отец на восемнадцатилетие.

– Пусть будет сорок пять фунтов, – поспешно произнес мужчина. Он сердито посмотрел на нее, а она следила, как он отсчитывал купюры. Она улыбнулась

ему самой милой улыбкой и поспешно вышла из лавки.

Мариетта торопливо вошла в универмаг «Гриффин и Сполдинг», прошла мимо стеклянных флаконов с духами, потом мимо многочисленных витрин со шляпами и перчатками и вошла в кафетерий. Мисс Уортерс бесследно исчезла. Она вернулась в фойе. Сквозь стеклянные двери увидела их черно-белый экипаж. Часы на ратуше пробили шесть, их бой гулко разнесся по всей площади. Когда Мариетта обернулась и посмотрела внутрь универмага, она заметила раздраженную мисс Уортерс, которая пыхтя приближалась к ней.

– Вас не было два часа. Я чуть с ума не сошла от беспокойства.

– Я прошу прощения. Боюсь, у меня нет другого оправдания моему поведению, кроме того, что я увлеклась всеми этими праздничными развлечениями и просто не могла удержаться, чтобы не побыть там еще чуть-чуть. Я потеряла счет времени. – Она изобразила застенчивую улыбку. – Вы лучше всех знаете, как я обожаю Рождество, – прибавила она, надеясь, что ее бывшая гувернантка с нежностью вспомнит ее детское волнение в это время года. Мариетта также подготовилась на всякий случай и сейчас достала из сумки бархатную коробку, стараясь не задеть лежащие под ней балетные туфельки. – Когда я осознала, как опаздываю, я купила их для вас в качестве извинения. – Она вручила компаньонке коробку фиалковых помадок.

Выражение лица мисс Уортерс смягчилось, как растаявший шоколад.

– Ну, полагаю, ничего страшного не произошло. Поехали, Мариетта, нам лучше вернуться домой, чтобы вы могли переодеться к обеду. По-моему, ваша мама снова имела удовольствие пригласить мистера Дроссельмейера в гости сегодня вечером.

У Мариетты упало сердце. После ужасного выступления на конкурсе ей меньше всего хотелось играть роль будущей нареченной доктора Дроссельмейера.

– Боюсь, что после такого волнующего дня и после этой ужасной толчеи на базаре у меня страшно разболелась голова. Думаю, мне придется извиниться и пообедать одной у себя в комнате, так что я не смогу встретиться в таком состоянии с добрым доктором сегодня вечером.

Глава 11

До Рождества оставалось всего несколько дней, и приготовления к Рождественскому балу в доме семейства Стелл шли полным ходом. Ароматы имбирных пряников со специями и подогретого вина носились в воздухе, на ветках вечнозеленых растений развесили банты из красного бархата, украсившие весь особняк. Выступление Мариетты быстро приближалось, и она носилась с одной репетиции на другую, стараясь избегать общения с Дроссельмейером на обедах, которые он продолжал посещать, а также участия в светских мероприятиях, приглашения на которые сыпались на нее, как густой снег, по мере приближения Рождества.

Она до сих пор каждый день ожидала письма из театра, готовая перехватить конверт прежде, чем его увидит один из лакеев отца. Хотя, вероятно, это была ненужная предосторожность, учитывая то, как прошло ее выступление на отборочном конкурсе. Насколько она знала, Дроссельмейер ничего не рассказывал о том дне. Она знала, что он не такой, каким кажется, но она тоже умела выжидать – как учил ее Фредерик в игре в шахматы, долгая партия требует терпения и стратегического расчета. Она наблюдала и ждала, пока мороз сковывал землю, а луна и солнце кружились по небу в древнем танце, когда его маска еще раз соскользнет.

Когда до Рождества осталось всего два вечера, репетиции прекратились. Мариетте приходилось терпеть семейные чаепития, обеды и вечеринки с вином, а родители каждый раз изобретали новые уловки, чтобы усадить ее рядом с Дроссельмейером. Он стал для нее постоянной угрозой. Еще больше их заставляло общаться его последнее творение – сцена и декорации «Спящей красавицы» для Рождественского бала. Большие таинственные свертки каждый день привозили из его городского особняка. На прошлой неделе Мариетта задала ему вопрос:

– Зачем вы все это так упаковываете?

– Может, я хочу сделать вам сюрприз, – ответил он, таинственно улыбаясь, как будто знал ее тайные мысли. Ее мучали подозрения. Казалось, вокруг него

происходят странные события, и как Мариетта ни старалась их объяснить, ей это не удавалось. И чем больше она о них размышляла, тем меньше они поддавались ее логике и ускользали из ее памяти, как она ни старалась потом их вспомнить.

– А что, если мне не нравятся сюрпризы?

Он ответил ей медленной улыбкой и исчез в бальном зале, закрыв за собой двери. Мариетта из любопытства заглянула в щель между дверными створками. В детстве, раздосадованная тем, что ей не разрешили принять участие в каком-то из балов, она подсматривала за взрослыми, восхищаясь вспышками хрусталя в люстрах от тысячи свечей, сверкающими вечерними платьями дам, проносящихся мимо в вальсе. Но ей не удалось узнать, что делает Дроссельмейер, она видела только пустую черноту безлунной ночи.

Прижав пальцы к пульсирующим от боли вискам, Мариетта спустилась к бальному залу, чтобы проверить, как продвигается работа над декорациями сцены. Мадам Белинская была очень недовольна тем, что им не дали возможности провести репетицию в костюмах на этой сцене, и ей нужно было срочно известить преподавательницу балета о ее готовности.

Двери оказались запертыми. Из-за них доносились стук молотков, звон металла и голоса. Низкий голос Дроссельмейера перекрывал повелительный голоса отца.

– Неизменная трагедия жизни состоит в том, что она никогда не бывает такой долгой, как нам бы хотелось. Я не становлюсь моложе, как бы ни старался, – произнес Дроссельмейер, чем вызвал смех Теодора, потом продолжил: – И я часто чувствую, что мне нужна компания. Женщина, с которой можно посидеть у камина в самые холодные зимние ночи. И чтобы она подарила мне наследника, с которым я бы поделился своими знаниями, своим богатством.

– Некоторые могут сказать, и наверняка говорят в определенных кругах, будто я виноват в том, что слишком балую свою дочь. Она получала любые книги, хорошее образование и уроки балета, которые так ее увлекают. В результате она стала избалованным и своенравным созданием.

Дроссельмейер рассмеялся:

– Признаюсь, я заметил в ней некоторое упрямство, но уверен, что сумел бы укротить ее, если вы мне окажете эту честь.

У Мариетты невольно на секунду перехватило дыхание.

– Не спешите заявлять о своей уверенности. Мариетту не следует недооценивать; она обладает таким острым умом, что могла бы победить даже Сфинкса. Однако вы и сами скорее человек Ренессанса. Будет очень интересно посмотреть, как вы за ней ухаживаете.

– В этом я не сомневаюсь. – Гость рассмеялся.

Мариетта прислонилась к двери, ее охватило отчаяние. Фредерик все же был прав: она ужасно наивна, когда речь идет о мужских повадках. Ее отец и Дроссельмейер участвуют в совершенно иной игре, и ее в эту игру не допускают.

– Я в восторге от вашего интереса, доктор Дроссельмейер. Пойдемте, обсудим дальнейшие дела за бокалом лучшего арманьяка.

Мариетта ушла раньше, чем ее успели заметить. Дурные предчувствия теснили грудь. Отец и Дроссельмейер посягали на ее будущее, на ее жизнь, жадные и неумолимые. Очень скоро они совсем ее сожрут.

Ида была поглощена чтением последнего выпуска журнала «Татлер»?[12 - Татлер (Tatler) на английском означает «сплетник», британский журнал о моде и светской жизни, основанный в 1901 году.] в своей личной гостиной, когда к ней зашла Мариетта. Эта комната привела бы в восторг кондитера своими пастельными тонами: вручную расписанные обои лимонного цвета, кресла с подголовниками из плюша кремового и светло-зеленого оттенков. Светлая, мягкая и пахнущая розами гостиная.

Мариетта ворвалась в нее подобно снежному бурану.

– Можно мне немного поговорить с тобой, мама?

Ида перевернула страницу.

– Да, дорогая. Что беспокоит тебя в это прекрасное утро?

Мариетта выбрала кресло напротив матери.

– Я пришла просить у тебя совета. Я случайно подслушала разговор, который меня очень встревожил.

– Неприлично подслушивать под дверью.

Мариетта ждала. Она поправляла складки своего вечернего светло-синего платья, отделанного атласными темно-синими лентами и оборкой вокруг декольте.

Ида отложила журнал в сторону.

– Полагаю, проступок уже совершен. И что ты нечаянно узнала?

– У меня есть причины считать, что доктор Дроссельмейер добивается одобрения отца на…

Ида прижала руку к груди под нежной вышитой тканью гранатового платья. У нее вырвался тихий вздох.

– Неужели меня подводит слух? Неужели добрый доктор Дроссельмейер попросил у отца твоей руки?

– Я думаю, это именно так.

Щеки Иды зарумянились от радости.

– О, Мариетта, дорогая, какой счастливый поворот событий. Поистине, судьба нам улыбнулась сегодня утром. По-видимому, нам надо начать приготовления к свадьбе.

На секунду Мариетта пожалела, что не создана по другой модели. Большинство женщин с восторгом участвуют в разговорах о свадьбе и детях. Как

характеризует ее то, что она всего этого не желает? Неужели она лишена какой-то существенной части того, что делает женщину женщиной? Неужели она сломлена, обречена смириться с жизнью, вопреки непокорным ветрам ее амбиций, или они унесут ее в одинокое свободное плавание?

Мариетта произнесла свои следующие слова, понимая, что, как только они слетят с ее губ, улыбка Иды увянет. Она уже давно не видела свою мать такой искренней.

– Я не хочу выходить за него замуж, мама.

Брови Иды чуть-чуть сдвинулись, было даже похоже, что она собирается нахмуриться. Когда-то она с готовностью улыбалась, а хмурилась только в тех случаях, когда жизнь вызывала ее неудовольствие. Когда-то ее чувства ясно отражались у нее на лице. Это было до того, как начали появляться тонкие морщинки. Они проникали все глубже, подобно гоблинам с острыми пальцами, и подтачивали ее молодость, побуждая ее закрывать лицо от мира. Видя это, Мариетта чувствовала, что почти понимает те крайние средства, к которым готова была прибегнуть графиня Батори?[13 - Елизаве2та Ба2тори, или Кровавая графиня, – венгерская графиня из известного рода Батори, богатейшая аристократка Венгрии своего времени, известная серийными убийствами молодых девушек. По слухам, она купалась в их крови, чтобы сохранить молодость и красоту.] в своей битве за молодость. А чтение «Энеиды» заставило ее поверить, что спуститься в подземный мир легко.

– У меня нет желания выходить замуж за Дроссельмейера, – повторила Мариетта. – Признаюсь, я не влюблена в этого человека и не могу даже подумать о том, чтобы провести с ним всю жизнь.

– Дорогая. – Ида взяла руки Мариетты в свои ладони. От этого у Мариетты в горле возник ком, потому что она вспомнила те дни, когда мать наряжала ее как куклу, брала за руку и с гордостью водила по Ноттингему. Голубые глаза Иды сияли, словно она тоже вспоминала те дни. – Тебе нечего бояться, Мариетта. Я понимаю твою сдержанность, но помни, женщины не выходят замуж по любви. Я точно вышла не по любви. И все же я прожила много счастливых лет с твоим отцом и очень горжусь тем, что была преданной женой.

Комок в горле Мариетты стал еще больше.

– Ты когда-нибудь жалела, что не выбрала другого? Что не могла выбрать того, кого желало твое сердце?

– Нет, – твердо ответила Ида. – Твой отец был лучшей партией, и я сделала то, что от меня ожидали. Кроме того, романтические браки часто ждет печальная участь. – Она смягчилась. – Дроссельмейер хороший, добрый человек, и он будет хорошо заботиться о тебе. В этом я не сомневаюсь. Я питала надежду, что он к тебе проникнется нежными чувствами с того самого первого обеда, когда мы с ним познакомились, и уверена, что ты станешь очаровательной новобрачной. Может быть, свадьбу надо устроить летом, чтобы мы могли весной посетить континент. Думаю, подвенечное платье надо будет обязательно заказать на Рю-де-ла-Пэ в Париже и приданое из итальянского шелка тоже… – Она погрузилась в свои собственные мечты, забыв о Мариетте.

Мариетта не видела шелков и кружев, о которых грезила мать. Она видела, как ее пуанты укладывают в коробку, где они будут лежать до тех пор, пока и пуанты, и ее мечты о свободе не покроются пылью. Ее грусть разбилась на острые осколки льда.

– Ты меня не поняла, – заговорила Мариетта, и лед проник в ее слова, сделал их холодными и хрупкими. – Я откажусь принять его предложение. Я не доверяю Дроссельмейеру. В нем есть нечто такое, что меня пугает, и я больше не чувствую себя в безопасности в его присутствии.

Смех Иды прозвучал легко и мелодично. Он соответствовал тонкой свежести ее гостиной.

– Не будь такой наивной, дорогая; таковы все мужчины. Они стараются доминировать над женщинами, это напоминает им о предках, которые скакали по королевству в доспехах, защищали свою землю и всех живущих на ней прекрасных дам. Это немного глупо, вероятно, но вполне безобидно. Ты скоро к этому привыкнешь, нет нужды все так драматизировать. А когда ты выйдешь замуж, я смогу научить тебя, как управлять их поведением к собственной выгоде.

Мариетта выпустила руки матери. С такими взглядами она никогда ее не поймет. Неудивительно, что Фредерик не может быть откровенным в ее присутствии. Она с содроганием подумала, как бы отреагировала мать, если бы

поняла истинные отношения между ним и Джеффри.

– Я так не думаю. Если ты не хочешь верить моему слову, то тебе не приходило в голову, что мне хочется выбрать другой путь, кроме замужества? Моя жизнь должна принадлежать мне, и я должна делать то, чего мне хочется.

Ида двумя тонкими пальцами взялась за переносицу.

– Если подумать, разве ты не считаешь свое поведение крайне эгоистичным? – Она взглянула на Мариетту, взгляд ее стальных глаз был твердым и непреклонным. – Мы с твоим отцом давали тебе все, чего ты только могла пожелать с того самого дня, когда ты родилась. У тебя есть обязательства. Ты нам вернешь затраты и выполнишь свой долг перед обществом, приняв предложение Дроссельмейера, когда он его сделает. Я не желаю слышать ничего другого. Я прощу тебе твои сегодняшние слова, потому что понимаю, что эта новость была для тебя неожиданностью, но жду, что после некоторого размышления ты опомнишься. Это тот путь, который тебе предназначен, Мариетта. Когда мы будем говорить в следующий раз, ты, надеюсь, уже поймешь это и оценишь свое положение в обществе. – Она встала, разглаживая руками платье и одновременно возвращая себе самообладание. – А на свадьбе ты будешь улыбаться, и твоя улыбка будет такой же прекрасной, как подвенечное платье.

Еще долго после того, как мать вышла из комнаты, Мариетта оставалась там, застыв в тревоге и понимая, что теряет контроль над собственной жизнью.

Проснувшись на следующее утро, Мариетта нашла под подушкой бархатную коробочку. Она отставила кофейную чашку и открыла ее. Внутри она с удивлением обнаружила ту самую брошь от Картье, которую заложила несколько дней назад. На плотной карточке была изображена мышь, нарисованная одним затейливым росчерком, в который была вплетена буква Д. Она прижала ко рту дрожащую ладонь. Она думала, что никто не видел ее в ломбарде, и как Дроссельмейер узнал о брошке? Возможно, он следил за ней от театра. Ее охватила дрожь. Ее подозрения еще раз подтвердились, но, по-видимому, Дроссельмейер становится все более смелым, и она с тревогой думала о том, что он собирается делать дальше.

Дверь открылась, и вошла Салли.

– Ваша брошь с бриллиантами. Я гадала, может, вы случайно положили ее не туда. Все в порядке, мисс? Вы ужасно побледнели.

– Я тоже думала, что ее положили не туда, куда нужно. Разве ее не тебе вернули?

Салли покачала головой и что-то ответила. Но Мариетта не услышала ни единого слова, что она произносила, ужас превратился в страшный рев в голове.

Дроссельмейер заходил к ней в спальню, пока она спала.

Глава 12

Когда Мариетта вошла в столовую перед обедом в канун Рождества, ей необычайно повезло: удалось занять место рядом с Фредериком. Поскольку у Дроссельмейера не было семьи, его снова пригласили, и он сидел напротив. Мариетта чувствовала, что он наблюдает за ней, его ледяные глаза буквально все глубже проникали ей под кожу. Это был взгляд, в котором притаились тени и ловушки.

Как обычно, на обед подали пирожки, жареные орехи, жареного гуся, нашпигованного каштанами под соусом из крыжовника и хлеба, далее следовал фруктовый пирог и традиционный рождественский пудинг, политый горящим бренди. И Дроссельмейер все время наблюдал за Марие́ттой. Она начала скрывать свою радость, прятать ее в средоточие собственной жизни, и единственными проявлениями радости были кровь, струящаяся по ее сосудам, и учащенное дыхание. В детстве канун Рождества был ее самым любимым днем года. Традиция пировать и обмениваться подарками у елки вечером наполняла ее бурным восторгом. Мариетта стиснула свою ложку и улыбнулась веселее, она внезапно решила не позволить Дроссельмейеру испортить себе радостное настроение.

Когда праздничная трапеза подошла к концу, Мариетта последовала за матерью в гостиную, где они должны были пить кофе и ждать мужчин. Большая темно-зеленая ель сверкала огнями в центре комнаты, с горящими свечками, гирляндами стеклянных шаров, золотых колокольчиков и леденцов, перевитая красными лентами. Под ней лежала груда подарков, завернутых в серебряную бумагу. Ида играла на рояле рождественские песни, а Мариетта пела «О, рождественская елка» и «Двенадцать дней Рождества», пока даже она наконец-то не ощутила, что праздничное настроение этого времени года проникло под ее воображаемую кольчугу. Завтра наконец-то она выйдет на сцену в роли Авроры. После этого в ее будущем появятся более широкие возможности, каких у нее еще никогда не было.

Дроссельмейер первым присоединился к ним, держа в руках целую охапку красных и зеленых хлопушек. Ида первой дернула вместе с ним за ниточку, и хлопушка с громким треском взорвалась, рассыпав дождь искр. Бумажный кулек жареных орехов и заводная игрушечная мышь упали ей на колени. Ида звонко рассмеялась и завела мышь, и все они смотрели, как она бегает вокруг елки, пищит и машет хвостом на бегу.

– Не хотите взорвать вместе со мной хлопушку? – Дроссельмейер протянул Мариетте хлопушку в зеленых и золотых полосках. Не доверяя своему голосу и опасаясь выдать чувство, от которого у нее все внутри кипело, как море в зимний шторм, она ухватилась за кончик ниточки и дернула. Дроссельмейер тоже дернул за другой конец, крепко ухватившись за него длинными пальцами. Хлопушка не поддалась их усилиям.

Мариетта бросила на него равнодушный взгляд.

– Вы ошибаетесь, если считаете, будто, позволяя мне выиграть, вы завоюете мое расположение.

По лицу Дроссельмейера скользнуло странное выражение.

– Возможно, мне нет необходимости завоевывать ваше расположение. Брак в первую очередь – экономически выгодный договор. Любовь часто приходит позднее.

Мариетта оцепенела от гнева. Она сомневалась, что какой-то мужчина может завладеть ее любовью, пока она останется верна самой себе. Она не стала высказывать эту мысль вслух, ведь мать украдкой поглядывала на них с Дроссельмейером с любопытством и понимающим сочувствием. Вероятно, это Рождество в семье будет для нее последним, учитывая то, что должно произойти, и ей не хотелось его омрачать. Она выдернула хлопушку из руки Дроссельмейера, который ждал ее ответа. Та взорвалась тучей золотистых конфетти, дождем посыпались леденцы и лесные орехи. И вместе с ними выпал маленький щелкунчик. На нем был нарисован мундир игрушечного солдатика с золотыми пуговицами на красном двубортном камзоле и темно-синие бриджи, заправленные в блестящие черные сапоги. Не говоря ни слова, она сунула его в карман платья.

– Я прав, предполагая, что вы слышали о моих намерениях относительно вас? – Дроссельмейер окинул взглядом ее кремовое атласное платье, отделанное вышивкой черным бисером и старинным розовато-кремовым кружевом. Ее обнаженные ключицы ощущали его горячее дыхание, и она чуть отстранилась, чтобы вернуть личное пространство. Но он придвинулся к ней почти вплотную, его бедро прижалось к ее платью.

– Неужели меня обманывают глаза? Вы начали, не дождавшись нас? – воскликнул Фредерик, входя в комнату вместе с Теодором. Его галстук в горошек был развязан, и его окружал запах сигарного дыма.

– Конечно нет, вы пришли как раз к раздаче подарков, – ответила Мариетта, отвлекая от себя внимание присутствующих. Дроссельмейер отодвинулся от нее, и их интимный разговор прервался.

– Великолепно. – Фредерик хлопнул Теодора по спине, Джарвис налил в бокалы горячее, душистое вино, и началась раздача подарков.

Подарки Мариетты были приняты хорошо. Кепка для автомобилиста от «Бербери» для Теодора, элегантный набор для письма, украшенный лилиями, для Иды и золотая авторучка для Фредерика. Настоящим подарком для него была коробка красок, завернутая и лежащая у него на кровати, которую он найдет позже. Мариетта развернула несколько коробок шоколадных конфет, отделанную кружевами шляпку из Парижа, флакон духов фирмы «Герлен» «Апре Лонде», в которых аромат цветов апельсина сочетался с ароматом нагретых солнцем фиалок и ванили, и изящный перламутровый гребень от Иды,

инкрустированный сверкающими синими стразами.

– Позвольте мне привлечь ваше внимание к моему подарку, – сказал Дроссельмейер, снова подходя к ней. Он широким взмахом руки выхватил из воздуха подарок в блестящей серебряной бумаге и вручил ей. При этом движении раздался тонкий звон. Крошечные колокольчики и веточка остролиста были прикреплены к атласной ленте. На бумажном ярлычке стояло ее имя рядом с нарисованной одним росчерком пера мышью с инициалом Дроссельмейера внутри, тем самым, который она уже видела на коробочке с брошью от «Картье», вернувшейся к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жанна Пакен – французский модельер конца XIX – начала XX века.

2

Фови2зм – модернистское течение во французской живописи периода постимпрессионизма конца XIX (зачатки) – начала XX века.

3

Художественный критик.

4

Титул, носимый по обычаю. Не дает юридических прав, предоставляемых титулом, например права быть членом палаты лордов.

5

Духи французской фирмы «Герлен».

6

Уильям Вордсворт – английский поэт-романтик XIX века.

7

Сервировка ? la Russe, сервировка по-русски, – способ сервировки блюд, при котором их подают к столу не одновременно (как при французской сервировке), а по очереди, в отдельных тарелках.

8

«Поте2рянный рай» – эпическая поэма Джона Мильтона, впервые изданная в 1667 году в десяти книгах. В издании 1674 года книг стало 12.

9

Стихотворение Томаса Гарди «Дрозд в сумерках», перевод Г. Кружкова.

10

«Буря и натиск» – литературное течение конца XVIII века в Германии.

11

Американская писательница и дизайнер конца XIX – начала XX века, лауреат Пулитцеровской премии.

12

Татлер (Tatler) на английском означает «сплетник», британский журнал о моде и светской жизни, основанный в 1901 году.

13

Елизаве2та Ба2тори, или Кровавая графиня, – венгерская графиня из известного рода Батори, богатейшая аристократка Венгрии своего времени, известная серийными убийствами молодых девушек. По слухам, она купалась в их крови, чтобы сохранить молодость и красоту.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kaznir_m/polnoch-v-evervude

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить